

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ АПОКРИЗИСА ¹⁾.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ ОТВѢТА.

**О порицаніяхъ цареградской патріархіи и похва-
лахъ соединенію и сообщенію съ римскою церк-
вію, высказанныхъ соборнымъ дѣеписателемъ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

Дѣеписатель, думая, что весьма искусно доказалъ намъ, людямъ греческой вѣры, единовластіе римскихъ епископовъ, обращаетъ рѣчь свою къ намъ, особенно людямъ русскаго народа, совѣтуя, уговаривая и увѣщавая насъ присоединиться къ римской церкви и охотно отдать себя въ послушаніе тому римскому единовластителю. На это увѣщаніе его уже данъ нами ясный отпоръ въ третьей части отвѣта, гдѣ и показано, что выставленные имъ доводы въ пользу папскаго единовластія весьма слабы. Но въ томъ же увѣщаніи своемъ, основанномъ на лживой мысли о церковномъ единовластіи, авторъ употребляетъ и другіе способы къ вразумленію насъ, основывая ихъ съ одной стороны на восхваленіи единства съ римскою церк-

¹⁾ Это знаменитое сочиненіе издано въ 1597 г. Христофоромъ Физалетомъ (Бровскимъ) противъ сочиненія іезуита Петра Скарги «*Synod Bzeczny i Obrota Synodu Bizeskiego*». Его-то и разумѣетъ авторъ «Апокризиса» подъ названіемъ: «соборный дѣеписатель». Въ непродолжительномъ времени будетъ изданъ весь «Апокризисъ» въ переводѣ на современный русскій языкъ, съ предисловіемъ и особыми примѣчаніями въ концѣ изданія.

вію, которое будто бы не только не вредно, но и спасительно и ведетъ за собою возвышеніе чести нашего священства, съ другой—на порицанія цареградской патріархіи, которую будто бы одолѣли врата адовы, какъ постигнутую проявіємъ и въ которой примѣчаются: святокупство, совмѣстность многихъ патріарховъ, неразсудительность въ разрѣшеніяхъ ¹⁾, несогласіе, раздоры, недостатокъ духовнаго утѣшенія, науки, защиты, порядка, любви и другія подобныя этимъ дурныя качества и недостатки. На все эти представленія автора я и буду отвѣчать здѣсь, въ четвертой части, и покажу, что изъ-за нихъ намъ не слѣдуетъ отступать отъ цареградской патріархіи. Къ уясненію этого предмета служатъ письма Мелетія, прежде александрійскаго, а теперь и константинопольскаго патріарха, которыхъ поэтому я приведу въ этой части. А такъ какъ дѣеписатель въ разныхъ мѣстахъ своего сочиненія увѣряетъ насъ, будто намъ не только нечего беспокоиться, но слѣдуетъ еще благодарить за то, что насъ теперь приводятъ къ единенію съ римскою церковію, то я сейчасъ объясню и способъ, какимъ приводятъ насъ къ тому, и отдамъ его на разсужденіе какъ нынѣшнему, такъ и будущему вѣкамъ. А затѣмъ, дасть Господь Богъ, и закончу и эту четвертую часть и весь мой отвѣтъ на сочиненіе дѣеписателя.

церковныхъ разрѣшеній отъ разныхъ винъ, проступковъ, ~~и прочаго~~ и прочаго. Подобныя дѣлались восточн. іерархами не рѣдко въ особн. грамотахъ, разбѣдннхъ въ нашихъ русскихъ актахъ.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

ГЛАВА 1.

Справедливо ли враждебный восточной церкви дѣеписатель видитъ одолѣніе ея вратами адовыми въ томъ, что турокъ завоевалъ Грецію и овладѣлъ ею, и слѣдуетъ ли изъ-за этого русскому и литовскому народу отступать отъ послушанія патріархамъ, находящимся въ Греціи?

О завоеваніи и завладѣніи Греціи турками дѣеписатель, въ своемъ увѣщаніи къ русскому народу, выражается такъ: «пусть подвинетъ тебя, благочестивый народъ русскій, мысль о достиженіи своего спасенія, котораго ты не можешь имѣть безъ соединенія съ святою католическою церковію! Ибо если церковь—едица, какъ и вы исповѣдуете въ символѣ вѣры, а у грековъ, покоренныхъ за свое отступничество турками, не можетъ быть той церкви, которой не одолѣли бы врата адовы; то эта церковь должна быть гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ. Она тамъ, гдѣ преемникъ св. Петра, тамъ, гдѣ основаніе и камень церкви, которой поэтому не одолѣли и не могутъ одолѣть врата адовы: не держаться этой церкви значитъ отступать отъ нея, значитъ наследовать вѣчную гибель и одну участь съ проклятыми». А затѣмъ ниже: «смотрите, какъ покаралъ Господь Богъ грековъ и царство ихъ за то, что они расторгали заповѣданное имъ согласіе. Отрекся ихъ Христосъ Господь, гово-

ря: не мои это ученики, которые не имѣютъ общей любви! Берн ихъ, турокъ, забирай и расточай ихъ, варваръ, ибо они сами себя расточили и возгнушались моимъ единствомъ!»!

Сожалѣніе, возбуждаемое этими словами въ насъ, людяхъ греческой вѣры, не можетъ быть достаточно выражено. Сжался Боже, что человѣкъ, считающійся христіаниномъ, говоритъ съ христіанами такъ, какъ говорятъ обыкновенно турки, надмѣнные своимъ счастьемъ и глумящіеся надъ христіанами, живущими подъ крестомъ! Что еще изобрѣтательнѣе сего могъ бы изрыгнуть самъ сатана, искушитель и врагъ душевный, жаждущій привести людей въ отчаяніе? Какъ жалко, еще говорю, что человѣкъ называющійся христіаниномъ, употребляетъ такіа слова! Какъ жалко, что тотъ, кто называетъ себя членомъ Христовымъ, старается увеличить страданія другихъ членовъ, изнемогающихъ подъ крестомъ, и вмѣстѣ съ безбожными іудеями напояетъ ихъ горькою желчью! Но что же сказать ему въ отвѣтъ? Только повѣрить нашу скорбь Господу Всевышнему и сносить ее терпѣливо! Прибавилъ бы я еще—сносить ее въ молчаніи: но чтобы не подумалъ дѣеписатель, что своею діавольскою и турецкою рѣчью онъ можетъ свести насъ съ спасительнаго пути, приходится отозваться на нее и облечь дѣйствительность ея вопросами. Итакъ прежде всего: если правда, что та церковь, которой члены подпали власти безбожныхъ, уже одолима для вратъ адовыхъ, и затѣмъ слѣдуетъ уже считать ее ложною, убѣгать отъ нея, и обращаться къ другой незавоеванной; то спрашиваю тебя, дѣеписатель: когда народъ израильскій былъ порабощенъ въ Египтѣ Фараонами, или когда онъ былъ уведенъ въ плѣнъ вавилонскій и тамъ 70 лѣтъ жилъ подъ властію языческихъ царей,—ужели поэтому не было въ томъ народѣ истинной церкви Божіей? Спрашиваю далѣе: когда въ теченіи 300 лѣтъ по Христѣ Господѣ всѣ кесари, цари и князья были еще язычниками и продолжа-

лось въ Римѣ гоненіе на христіанъ, то была ли или не была тогда на свѣтѣ истинная церковь? Спрашиваю еще: когда потомъ въ теченіи 140 лѣтъ Римъ былъ шесть разъ взятъ, завоеванъ и опустошенъ враждебными и грубыми языческими народами—остъ-готами, вестъ-готами, герулами, вандалами, гуннами и лангобардами, то какъ думали: одолѣвали-ль тогда врата адовы церковь, особенно когда и сами преподобные, по твоему мозгу, главы церковныя, т. е. папы римскіе, вылетали изъ Рима? Если подобныя завоеванія могли означать одолѣніе церкви адовыми вратами; то римская церковь не была истинною, слѣд. не о ней сказано, что врата ада не одолѣютъ церкви. Если же тѣ завоеванія и опустошенія не лишили Рима истинной церкви; то не безстыдно ли съ твоей стороны считать греческую церковь осиленною адовыми вратами и ложною изъ-за того, что турокъ завоевалъ Константинополь и овладѣлъ Греціею? Не безбожно ли поступаешь ты, когда, выѣшиваясь въ суды Божіи, видишь причину турецкаго завоеванія въ томъ, что греки не римскаго папу, а самого Христа Господа почитали единовластятелемъ церковнымъ? *Непостижимы судьбы Господни, бѣдныи ты человекъ, и неизсѣдимы пути Его! Ибо кто позналъ умъ Господень? Или кто былъ совѣтникомъ Ему* (Римл. XI. 33, 34)? Какъ же смѣешь ты выдавать за сущую правду то, чего не открылъ тебѣ Господь? Лучше бы ты обратилъ свои тѣлесныя и духовныя очи на тѣ изреченія св. Писанія, гдѣ вѣрныи Господнии обѣщаны на этотъ свѣтъ болѣе крестъ, тѣснота, скорби, неволя, чѣмъ роскошь, благополучіе, господство, гдѣ причины и цѣли гоненій, допускаемыхъ на церковь, показаны далеко не тѣ, какія у тебя, и гдѣ дается человеку упованіе на Христа Господа въ одолѣніи не тѣлесныхъ, а духовныхъ враговъ. Отнимая качество истинности у церкви изъ-за того, что вѣрныи Господни терпятъ страданіе,—почему

не удержался ты отъ такого безбожнаго разсужденія слѣд. словами Спасителя нашего: кто хочетъ идти за Мною, возьми крестъ свой и следуй за Мною (Марк. 8, 34)... Рабъ не больше господина своего. Если Меня имали, будутъ мнѣ и вась... Вы восплачете и возрыдаете, а міръ возрадуется... Въ міръ будете имѣть скорби, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ (Іоан. XV, 20; XII, 20, 33)? Почему не уняли тебя и слѣд. слова апостольскія: Господи кого любить, того наказываетъ; бьетъ же всякаго сына, котораго принимаетъ. Если вы терпите наказаніе, то Богъ поступаетъ съ вами, какъ съ сынами. Ибо есть ли какой сынъ, котораго бы не наказывалъ отецъ (Евр. XII, 6—7)? И еще—эти: наша брань не противъ крови и плоти, но противъ началъствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы века сего (Ефес. VI, 12). Не думай, дѣеписатель, чтобы твои безбожныя глумленія надъ грѣхами, турецкая пегола и всѣ несчастія, какія терпятъ эти братья наши, могли отклонить насъ отъ единой Главы церковной, отъ истиннаго пастыреначальника Христа Господа, и привлечь въ послушаніе римскому папѣ. Вѣрь миѣ, что греки умѣютъ хорошо понять причины своего несчастія, и, что важнѣе—будучи побѣждены турками по тѣлу, умѣютъ по духу побѣждать міръ, плоть и сатану со всѣми искушеніями ихъ. А въ отвѣтъ на твое, подобное турецкому, глумленіе, они говорятъ съ св. Іоанномъ, что побѣда ихъ, побѣдившая міръ, есть въра ихъ (1 Іоан. V, 4); говорятъ съ св. Давидомъ, что жезлъ и палица не смущаютъ, но утѣшаютъ ихъ (Пс. XXII, 4); говорятъ съ св. Павломъ, что все, слѣд. и эти несчастія содѣйствуютъ имъ ко благу (Римл. VIII, 28); говорятъ съ восклицаніемъ: если бѣдѣ за насъ, кто противъ насъ? Тотъ, который сына своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ, какіе съ Нимъ не даруетъ намъ и всего? Кто будетъ обвинять

избранных Божіихъ? Богъ оправдываетъ ихъ: кто же будетъ осуждать ихъ? Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь, или тѣснота, или ионеніе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ?... За Господа умертвляютъ насъ всякій день, считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе. Но все сіе преодолеваемъ силою возлюбившаго насъ. И мы увѣрены, что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни друная какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ (Римл. VIII, 31—39). Этими и имъ подобными словами отзываются на лаянія твои, дѣеписатель, истинные читатели Божіи, живущіе въ Греціи. Бойся же ты справедливаго суда Божія за то, что такъ безстыдно наругался имъ, уничижая все кресты и страданія, какіе они терпятъ ради имени Христова, и указывая имъ часть съ проклятыми. Не лучше ли было бы тебѣ, по примѣру другихъ добрыхъ христіанъ, съ удивленіемъ и благодареніемъ Богу взирать на то, что Господь Богъ далъ греческимъ христіанамъ такое постоянство и терпѣніе въ страданіяхъ, и такое смотрѣніе благоволилъ возымѣть надъ ними, что ихъ не отвлекаетъ отъ христіанской вѣры ни страхъ гоненій, ни исканіе роскоши, такъ что турецкій тиранъ, хоть онъ заклятый врагъ христіанской крови, никогда не можетъ покушаться на конечное истребленіе ихъ, а часто даже волею-неволею становится защитникомъ ихъ? Тутъ долженъ я припомнить слова Станислава Оржеховскаго, каноника перемышльскаго, высказанныя имъ о нашей греческой вѣрѣ въ томъ сочиненіи, гдѣ онъ вписалъ и свою присягу въ вѣрности римской церкви, учиненную имъ предъ Іоанномъ Дядускимъ, епископомъ перемышльскимъ. Изъ нихъ ты удобнѣе можешь судить о своей правдѣ, также о достоинствѣ и истинности нашей церкви, признаваемыхъ и са-

ими противными. «Не думаю, говорить онъ, что грековъ и русскихъ слѣдуетъ считать неблагочестивыми и противниками церкви за то, что у нихъ народъ причащается чаши, а священники имѣють женъ. Думаю, напротивъ, что они христіане и принадлежать къ церкви. А подѣ именемъ ея разумѣю ту церковь, которая, при разныхъ мѣстныхъ обычаяхъ и порядкахъ, содержитъ единую вѣру, живетъ подѣ единымъ крестомъ и единымъ Богомъ, бывъ распространена по всему кругу земному, которая есть столпъ истины и жилище Св. Духа, которая не можетъ заблуждаться никакимъ образомъ, почему и нужно держаться ея повелѣній и постановленій, хотъ и не всегда зная, почему она одно повелѣваетъ, а другое запрещаетъ». Онъ же и въ томъ же сочиненіи такъ говоритъ именно о патріархіи цареградской: «что каедрѣ константинопольская, стоящая въ ряду другихъ каедръ, которыя древніе называли апостольскими, цѣла и теперь, это знаемъ мы, живущіе ближе къ Оракіи. Богъ далъ ей, какъ новому Іосифу, спескати мялость у Солимана турецкаго тирана, чтобы такимъ образомъ всегда оправдывалось то обѣщаніе, что и врата адовы не одолѣють церкви и ея апостольскихъ престоловъ». Слышишь ли, дѣеписатель, какъ человекъ одного съ тобою исповѣданія отзывается о греческой церкви и Божіемъ смотрѣніи, видимо явленномъ надъ нею за нѣсколько лѣтъ предъ симъ? Такъ съ утѣшеніемъ и понынѣ разсуждаетъ о ней и благочестивый народъ русскій, жаждущій душевнаго спасенія, и это такъ привязываетъ его къ власти греческихъ патріарховъ, что какія-нибудь кошунства твои не могутъ ни отклонить насъ отъ послушанія имъ, ни заманить къ послушанію римскому папѣ. Онъ хотя и плаваетъ въ счастіи, хотя и поражаетъ великихъ кесарей, беретъ ихъ въ заключеніе, наступаетъ на выи ихъ, хотъ не побѣжденъ свѣтскими войсками, но часто и самъ побѣждаетъ ихъ, хотъ не ограбленъ въ своихъ

владѣніяхъ, по часто вдирается и въ чужія; однако, взятый даже вмѣстѣ съ своими прелатами, онъ не можетъ законно быть названъ и почитаемъ за такого, противъ котораго безсильны были бы врата адовы. Вѣдаетъ благочестивый народъ русскій, что вливается въ Римъ и его обитателей; вѣдаетъ, что не даромъ св. Амвросій называлъ его главою суевѣрій (въ словѣ 66); знаетъ, что не даромъ другіе учителя называли его Вавилономъ и блудницею, одѣтою въ порфиру (Іерон. въ письмѣ къ Павлину); знаетъ, что если гдѣ, то тамъ господствуютъ и всюду выставляются описанныя у апостола дѣла плоти: чужеложство, распутство, нечестность, отравленія, вражды, ссоры, зависть, гнѣвъ, задоры, человекоубійство и другія имъ подобныя, которыя отлучаютъ людей отъ царствія небеснаго и которыя надобно побѣждать, истреблять и умерщвлять всѣмъ, желающимъ быть истинными христіанами. Ибо такіа дѣла и самихъ властителей свѣта, непобѣжденныхъ никакими войсками, дѣлаютъ слугами сатаны, которыхъ одолеваетъ врата адовы. Итакъ не вѣдай во зло, дѣписатель, доблестному русскому и литовскому народу того, что онъ не дастъ значенія твоему увѣщанію, соединенному съ неразумительнымъ глумленіемъ, и что онъ предпочитаетъ держаться, по стародавнему обычаю, греческихъ патріарховъ, тихихъ, скромныхъ, покорныхъ, отъ которыхъ предки его научились христіанской вѣрѣ и подъ послушаніемъ которыхъ жили въ теченіи шестисотъ лѣтъ,—и ни за что не хочетъ искать себѣ новаго владыку, о которомъ слышитъ такъ много сверхнихъ вещей, искать по италіанской землѣ, этой сбродной окраинѣ свѣта. Если же требуется это ради единства церковнаго, то объ этомъ хотя уже нѣчто упомянуто выше, однако шире будетъ въ слѣдующей главѣ.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

ГЛАВА 2.

Изъ того, что говоритъ дѣписатель въ похвалу церковнаго единенія, согласія и любви христіанской,—слѣдуетъ ли, что русскій и литовскій народъ долженъ отступить отъ восточной, греческой церкви и греческихъ патріарховъ и отдаться въ послушаніе римскому папѣ?

Вотъ слова дѣписателя, которыми онъ, выхваляя единеніе и согласіе христіанское, призываетъ русскій народъ въ послушаніе римскому папѣ: «не убѣгайте отъ согласія и единства. Это не свойственно ни христіанскому, ни даже языческому и чьему бы то ни было разумному сердцу. Ибо имѣть на свѣтѣ ни такъ глухихъ, ни такъ дикихъ людей, которые бы не видѣли, что все добро и благополучіе ихъ зависяетъ отъ согласія и единства помысловъ. Кто убѣгаетъ отъ согласія, тотъ не можетъ быть ученикомъ Христа, который завѣщалъ намъ любовь и миръ. На то и умеръ великій Богъ человеколюбецъ, чтобы собрать во едино расточенныхъ сыновъ, какъ говоритъ св. Іоаннъ. Для того и церковь называется тѣломъ, въ которомъ члены соединены дивною любовію, также единымъ домомъ, единымъ стадомъ, единымъ воинствомъ, единымъ кораблемъ, гдѣ согласіе все держитъ, а несогласіе все губитъ». Въ этихъ словахъ дѣписатель весьма искусно хвалитъ согласіе и единство, и конечно говоритъ сущую правду: вижу, что рѣчь у него лется красно, ибо весьма легко каждому доказывать истину истинною. Но то, что онъ хочетъ строить на этой истинѣ, т. е. послушаніе папѣ римскому, не можетъ стоять на томъ основаніи. Добръ—миръ, добры согласіе и единство, но не хваля: наприимѣръ; кто изъ христіанъ можетъ почесть добрымъ согласіе турокъ и язычниковъ на зло и въ чемъ либо зломъ?

Но оставляя въ сторонѣ турокъ и язычниковъ, спросимъ, кто разсудительный назоветъ добрымъ то согласіе, о которомъ Іеронимъ, пиша противъ люциферіанъ, выражается такъ: «при царѣ Константиנѣ въ консульство Евсевія и Евпанія, именемъ единства вѣры написана невѣрность, какъ теперь дознается это. Ибо тогда ничто не казалось столько благочестивымъ и желаннымъ для слуги Божіаго, какъ слѣдовать единству и не отторгаться отъ общенія съ христ. міромъ». О такомъ согласіи и такомъ мирѣ несчастивыхъ премудрый сказалъ: *всѣ велицѣи живущіе безумія брани, толкая злая миръ именуютъ* (Прем. Сол. 14, 22). Итакъ не всякое согласіе и единство—добры, и потому не всякаго и должно держаться тому, кто хочетъ спастись. Правда, конечно, и то, что одинъ домъ Божій, одно стадо, одно воинство, одинъ корабль Христовъ, одна церковь, въ которой нужно пребывать всякому, жаждущему спасенія. Тѣмъ тщательнѣе рассмотримъ, о какой это церкви мы исповѣдуемъ, что она—одна, и тѣмъ болѣе всего условливается это церковное, христіанское единство: тутъ мы тотчасъ увидимъ, состоитъ ли оно въ преданіи себя въ послушаніе римскому папѣ. Итакъ, какая это церковь, о которой исповѣдуемъ въ символѣ, что она одна? Это выражаетъ самъ символъ, который называетъ ее католическою или вселенскою, и указываетъ въ ней на общеніе святыхъ. Изъ этого видно, что церковь, именуемая единою, не привязана ни къ одному какому либо мѣсту, ни къ одному времени, ни къ однимъ какими либо подверженнымъ грѣху людямъ, но заключаетъ въ себѣ всѣхъ, которые, живя въ какія бы то ни было времена отъ начала міра, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ и между какими бы то ни было людьми, суть святыми и избранными Божіими. Слѣд. къ этой единой церкви принадлежатъ и тѣ, которые, еще здѣсь въ мірѣ, стоя въ смертной плоти подъ знаменемъ Христа Господа, воинствуютъ съ діаволомъ, плотію и міромъ, и потому

будутъ воинствовать,—принадлежать и тѣ, которые, бывъ уже перенесены къ небеснымъ радостямъ, ликуютъ, какъ побѣдившіе всѣхъ враговъ. Принадлежать къ этой единой церкви и тѣ, которые жили до закона, даннаго на Синаѣ, и тѣ, что жили подъ закономъ, равно какъ и тѣ, которые жили, теперь живутъ и потомъ будутъ жить подъ благодатію и новымъ завѣтомъ. А между ними принадлежать къ единой церкви какъ тѣ изъ израильскаго народа, которые, слѣдуя за призывомъ Христа, напередъ чрезъ вѣру приняли благодать Христову, такъ и тѣ изъ язычниковъ, которыхъ единый добрый пастырь Христосъ Господь благоволилъ привести къ познанію Себя, составляя единое стадо изъ евреевъ и язычниковъ. Всѣ они, говорю, хотя разлучены другъ отъ друга мѣстами, временами, такъ однако соединены и связаны духомъ и вѣрою, что составляютъ единую, нераздѣльную, каѳолическую или вселенскую церковь. Эта единая, вселенская церковь, слагающаяся изъ избранныхъ святыхъ Божіихъ и членовъ Христовыхъ, уподобляется ковчегу Ноеву, такъ что кто не находится въ ней, не будучи членомъ Христовымъ, тотъ не можетъ спастись, хотя бы наружно примикалъ къ церкви Божіей и языкомъ отзывался къ общенію святыхъ. Ибо единство этой вселенской церкви держится наиболѣе тѣмъ, что она имѣетъ единую Главу—Христа Бога. Единеніе главы съ тѣломъ имѣетъ преимущество предъ единеніемъ членовъ однихъ съ другими. Единеніе членовъ, связуемыхъ братскою любовію другъ къ другу, конечно, нужно христіанамъ, ибо Христосъ Господь сказалъ, что учениковъ Его узнають отъ того, когда они будутъ имѣть взаимную любовь между собою: но такъ какъ членами Христовыми часто называютъ себя и тѣ, которые не суть ими, почему союзъ съ ними можетъ вести къ заблужденію и удаленію отъ единой Главы церковной, Христа Господа; то всего безопаснѣе каждому христіанину, не желающему отпасть отъ единства церковности, взирать

наипаче на Христа Господа и Его держаться. Придерживаясь самого Христа, мы устережемся отъ тѣхъ сѣтей, которыя сатана, для людскаго обмана, разставилъ при дѣйствительномъ и истинномъ единствѣ, желая съ одной стороны созидать злое согласіе и въ злыхъ дѣлахъ, съ другой—портить и разрывать доброе согласіе и единомысліе сѣніемъ споровъ и расколовъ между христіанами. Въ виду этого нашъ греческій учитель св. Златоустъ такъ говоритъ: «почто, оставивши Главу, держишься членовъ? Если отпадаешь отъ Главы, то ты погибъ: кто бы ты ни былъ, ты не можешь жить, если не имѣешь жизни отъ Главы, пребывая въ единеніи съ нею». Теперь, изложивъ кратко и правдиво понятіе о церкви, исповѣдуемой въ символѣ единою, также и о томъ, чѣмъ болѣе всего держится истинное церковное единство, мы, основываясь на этомъ понятіи, легко увидимъ, состоитъ ли истинное единство въ признаніи римской церкви и послушаніи римскому папѣ. И прежде всего, если церковь, которую исповѣдуемъ въ символѣ единою, есть—вселенская и лишь этой вселенской церкви собственно принадлежитъ единство, такъ что нѣтъ ея никто не можетъ быть спасенъ; то никакая мѣстная и частная церковь, слѣд. и римская, не можетъ привязывать и присвоивать это спасительное единство лишь къ себѣ самой, такъ что будтобы уже никто не можетъ быть спасеннымъ, не будучи членомъ ея. Ибо если бы это спасительное единство, принадлежащее исповѣдуемой нами въ символѣ церкви, было привязано лишь къ мѣстной римской церкви: то что скажемъ о тѣхъ, которые до закона и подъ закономъ умерли, будучи истинными читателями Бога? Что скажемъ объ истинныхъ христіанахъ изъ народа израильскаго, которые отошли отъ этого свѣта прежде, чѣмъ св. Петръ и, что еще болѣе—чѣмъ какой нибудь христіанинъ былъ въ Римѣ? Что скажемъ о тѣхъ, которые, живя въ отдаленныхъ отъ Рима краяхъ и, вѣроятно, никогда не слыша о Римѣ,

истинно вѣрили или вѣрять въ Христа Бога? Ужели всѣхъ этихъ людей дѣеписатель неразумно будетъ исключать отъ общества съ единою истинною вселенскою церковію, какъ членовъ, не принадлежащихъ къ тѣлу Христа Бога? Если не будетъ исключать ихъ; то почему хочетъ онъ внушить намъ, людямъ греческой вѣры, будто бы мы не можемъ спастись, будто мы со всѣми нашими добрыми дѣлами, постами, милостынями, со всѣми высшими добродѣтелями все таки пойдемъ на осужденіе лишь за то, что не присоединяемся къ римской церкви и не оказываемъ послушанія папѣ римскому? Почему онъ безстыдно присвоаетъ одной мѣстной церкви то, что собственно принадлежитъ вселенской церкви? Почему такъ дерзко приписываетъ одной части то, что служить всему тѣлу? Почему онъ восхваляя намъ единеніе съ членами римской церкви, осмѣливается отворачивать насъ отъ единенія съ истинною церковною Главою Христомъ Господомъ, отъ которой зависитъ жизнь наша? Приведены въ прежней главѣ слова Оржеховскаго, перемышльскаго каноника, въ которыхъ онъ явно признаетъ насъ принадлежащими къ сообществу единой, вселенной церкви. Показали мы также, что кромѣ единой Главы Христа Бога, никакой другой главы писаніе не указываетъ. Да и самое дѣло показываетъ, что никому другому не можетъ принадлежать такой титулъ. Ибо кто изъ смертныхъ можетъ справедливо присвоить себѣ надзоръ, попеченіе и управленіе надъ всѣми вѣрными и избранными Божиими, живущими во всѣхъ вѣкахъ и во всѣхъ мѣстахъ? И что же, скажу съ Григоріемъ римскимъ епископомъ, отвѣтитъ Христу на послѣднемъ судѣ тотъ, кто силится всѣ члены Его подчинить своей власти? Не слышали о такомъ единствѣ тѣ мученики, которые своею кровью подтвердили истину христіанской вѣры еще до кесаря Феодосія, который спустя 600 лѣтъ по Христѣ Господѣ, назвалъ римскую церковь главою всѣхъ церквей. Не слышали о

такомъ единствѣ св. отцы и учителя, которые эту истину объясняли своими письмами. Кратко сказать: этого единства, основаннаго будто бы на послушаніи римскому епископу и признаніи его церковнаго единовластія, не знала вся первенствующая, истинная христіанская церковь. Не знала его та, не оскверненная прелюбодѣйствомъ, хранящая чистоту, цѣломудріе, покорность невѣста Христа Господа, которой члены, безъ сомнѣнія, пребываютъ теперь въ небесной радости. Того единенія, согласія, любви, какія были въ первые вѣка по Христѣ Господѣ, мы, по отношенію къ римской церкви, и теперь не только не устраняемся, но и весьма желаемъ и просимъ. Но съ другой стороны, мы хранимъ себя отъ того единенія, которое влечетъ за собою поработеніе Христовой паствы, удаляетъ насъ отъ единой истинной главы, уничтожаетъ между первѣйшими пастырями равенство—мать согласія, отмѣняетъ порядокъ, установленный на первыхъ соборахъ и границы, опредѣленные между властію папы римскаго и восточными патріархами, совершенно извращаетъ древній образъ нашего служенія Богу и которое налагаетъ на вѣрныхъ Господнихъ непромѣнный долгъ—принимать и содержать все то, что бы ни выдумалъ какой либо папа, хотя бы это противно было ученію св. писаній.

Отбрось, римскій пастырь съ своею церковію, всѣ эти предразсудки, оставь гордость, надменность и жажду господства надъ всѣмъ стадомъ Господнимъ, тебѣ не принадлежащаго! Соглашайся съ восточными церквами, какъ такими, предъ которыми не имѣешь никакого преимущества ни въ древности, ни въ преемствѣ служенія, ни въ содержаніи ученія Христова; соглашайся какъ съ равными и, слѣд., какъ бываетъ при соизашеніи, одна чуждымъ, другое уступи; одна убавь, другое чьпусти убавить и у себя; уступи часть, чтобы и тебѣ можно было уступить часть. Вѣрь намъ, скоро тогда совершится это

согласіе между нами и долго будетъ держаться. Если же не хочешь отступиться отъ своего упрямства и привычки и возвратиться къ древнимъ обычаямъ первенствующей церкви; то не почитай за зло того, за что, дастъ Господь Богъ, мы не постыдимся и на судѣ Божіемъ; то есть, что мы лучше хотимъ держаться Христа Господа—истинной Главы церковной, въ которой утверждается жизнь наша, чѣмъ ненадежныхъ членовъ, лучше хотимъ быть въ мирѣ и единеніи съ тою единою вселенскою церковію, которую исповѣдуемъ въ символѣ вѣры, чѣмъ—съ церковію помѣстной. Оставь насъ при томъ, что, держась ученія и заповѣди Христа Спасителя, мы любимъ какъ всѣхъ призывающихъ имя Его, такъ и тебя, и, по этой любви, какъ неотмѣнно желаемъ тебѣ всего добраго, такъ не оставляемъ и молить Господа Бога, чтобы тебя вразумилъ.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

Г л а в а 3.

Турецкое подаванье ¹⁾ въ патріархіи греческой, ея святокѣупство, неразумность въ церковныхъ разрѣшеніяхъ, также гордость, приписываемыя ей дѣеписателямъ, могутъ ли служить побужденіемъ къ тому, чтобы намъ отступиться отъ патріарховъ и подчиниться римскому папѣ?

О раздачѣ турками мѣстъ и симоніи патріарховъ цареградскихъ дѣеписатель выразился такъ: «Смотрите на проклятіе, постигшее цареградскую патріархію, отъ котораго вы могли бы убѣгать съ ужасомъ, какъ отъ Корел, Даоана и Авни-

¹⁾ Т. е. ~~възвышеніе~~ или утвержденіе турецкимъ правительствомъ лицъ на церковныя должности.

рона, когда ихъ пожрала земля. Нѣтъ въ ней ни одного патріарха, который бы не купилъ себѣ престола ея деньгами, собранными попрошайствомъ, а иногда и обманомъ. Они другъ друга сталкиваютъ съ престола, надбавляя деньги туркамъ. Бываетъ тамъ иногда по три, а иногда и по четыре живыхъ патріарховъ, а нѣтъ ни одного истиннаго, а только—святокупцы, которые, по правамъ божественнымъ и церковнымъ, теряютъ и деньги и свой церковный санъ, какъ скоро впадаютъ въ грѣхъ святокупства». О неразумныхъ разрѣшеніяхъ, даваемыхъ патріархами цареградскими за плату, онъ же говоритъ такъ: «какое имѣемъ утѣшеніе и помощь отъ нихъ, когда тѣ, кого они посылаютъ сюда отъ себя, приносятъ еще большія замѣшательства, дурные примѣры, продаютъ церковныя степени, собираютъ деньги, какъ голодные, разрѣшаютъ, продавал дары Божіи, позволяютъ имѣть двухъ живыхъ женъ и проч.» Что касается гордости, то дѣеписатель приписываетъ ее собственно давнѣйшимъ цареградскимъ патріархамъ, а не нынѣшнимъ, отъ которыхъ, какъ имѣющихъ подрѣзанныя крылья, ожидается себѣ покорности. Однако-жъ, такъ какъ это затрогиваетъ насъ, людей греческой вѣры; то будемъ по порядку разсматривать сперва святокупство патріарховъ, соединенное съ турецкимъ подаваньемъ, потомъ неразумность въ разрѣшеніяхъ, наконецъ гордость; а затѣмъ будемъ судить, слѣдуетъ ли намъ, вслѣдствіе такихъ дѣеписательскихъ упрековъ, отступить отъ патріархіи цареградской и отдаться подъ власть римскихъ папъ. А упрекъ въ томъ, что въ одно и тоже время бывасть по нѣсколько патріарховъ, отложимъ до слѣдующей главы.

Соглашася съ дѣеписателемъ, что святокупство онъ порицаетъ справедливо. Это такой грѣхъ, котораго всякій христіанинъ, по справедливости, долженъ остерегаться: ибо неда-

ромъ богословы называютъ его начальнымъ еретичествомъ¹⁾. Но отнюдь не можемъ мы признать съ дѣйствителемъ того, будто цариградскихъ патріарховъ дѣлаетъ святокупцами и подобными Даавану и Авирону то, что турки кажутся подавателями ихъ мѣстъ, а тѣмъ болѣе—того, будто сами патріархи—святокупцы. Нѣтъ въ Греціи ни одного христіанина, который бы изъ опыта не узналъ, что турки, особенно цезари ихъ, суть главными врагами какъ имени Христова, такъ и всѣхъ христіанъ. Затѣмъ, всѣ знаютъ и то, что ни одинъ изъ такихъ заклятыхъ враговъ не можетъ почитаться распорядителемъ церковныхъ сокровищъ и святыхъ предметовъ. Не такъ грубы они (греч. христіане), чтобы не знали, что собственно Христу Богу принадлежитъ—во всѣ вѣка избирать дѣлателей для винограда церкви своей. Къ Нему-то самому, а не къ кому либо другому, прибѣгаютъ они съ мольбами всегда, когда нуждаются въ пастырѣ для патріархіи, а при мольбахъ не оставляютъ избирать особъ, способныхъ къ пастырству, сообразно съ обычаемъ первой христіанской церкви. А избранныхъ, также по обычаю первенствующей церкви, хиротонисаютъ тѣ, кому это принадлежитъ. Вообще во всемъ они, сколько зависятъ отъ нихъ лично, поступаютъ такъ, что по справедливости не могутъ быть опорочены. Скажешь: «да турокъ вмѣшивается во все это, турку платятъ они деньги». Но это вмѣшательство турецкихъ султановъ въ дѣло поставленія патріарховъ бываетъ весьма не часто. А хотя бы и часто бывало, то все же оно не таково, чтобы изъ за-него слѣдовало оуждать патріарховъ и винить христіанъ, живущихъ въ Греціи. Ибо чѣмъ они виноваты, что турокъ, подущаемый другими, вмѣшивается въ дѣла благочестія ихъ? Развѣ они рады такому вмѣшательству? Или желаютъ его для себя? Или даютъ поводъ къ тому?

¹⁾ Симонъ Воакъ, давній нинъ симонъ или святокупецъ, считается начальнымъ еретикомъ въ церкви христіанской.

Живутъ они въ неволѣ, такъ и неудивительно, что не все дѣлается по ихъ мысли. Но то удивительно, что человѣкъ якобы разсудительный и христіанинъ выставляетъ на глаза поработочнымъ христіанамъ, какъ нѣчто позорно-злое и преступное, то, въ чемъ они не только не виноваты, но что бѣдняжки терпятъ съ великою жалостію, по принужденію и неволѣ, живя въ христіанской вѣрѣ такъ, какъ могутъ, коли не приходится жить такъ, какъ рады бы жить. А если случается, что турокъ предлагаетъ имъ на патріаршество такое лицо, которымъ они могутъ быть довольны, видя въ немъ такіе поступки, какихъ апостоль требуетъ отъ епископа; то останавливаются на такомъ предложеніи, хотя бы и турецкомъ, и принимаютъ то лицо. Они понимаютъ, что при этомъ не только не поступаютъ противъ христіанскаго приличія, но и приспособляются къ повелѣнію апостола, который заповѣдалъ наблюдать, при избираниі епископа, и то, чтобы онъ имѣлъ доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ, т. е. отъ невѣрныхъ и Христу не принадлежащихъ. А если предложенное лицо покажется имъ не способнымъ къ такому званію, тогда, не оставляя мѣста предложенію, избираютъ себѣ другаго, котораго находятъ болѣе способнымъ. Между тѣмъ прилагаютъ стараніе, чтобы не подвергнуться за это обвиненію: и если, при такомъ стараніи, подѣ часть дѣйствуютъ, бѣдняжки, подарками и поминками, намазывая руки продажнымъ пашамъ и пышному султану; то ужели это можетъ, по справедливости, быть вѣнчено имъ во зло, ужели можетъ назваться святокупствомъ? Вѣдь, конечно, они не покупаютъ себѣ у проклятаго (т. е. турка) вещей священныхъ, но—что? Покупаютъ себѣ миръ, покупаютъ свободу церковную, покупаютъ свободу благочестія для души своей. Не правится тебѣ это, дѣеписатель? Вѣрь, что и имъ не нравится, и они лучше желали бы, чтобы не доходило до этого. И что же тутъ сказать? Сказать, по пословицѣ: съ худаго торгу (хотя-

бы) съ ушами домой. Ибо что же? Лучше было бы, чтобъ они совѣмъ не имѣли пастырей? Лучше было бы, еслибъ тиранъ не позволялъ имъ имѣть никакого собственнаго управленія? Лучше было бы, если бы запретилъ имъ вообще всякое употребленіе вѣры христіанской и такимъ образомъ ее совершенно изгонялъ и обрушивалъ до основанія? Если, предупреждая, сколько могутъ, все это, греческіе христіане дѣйствуютъ посулами и поминками; то ужели за это они должны быть равняемы съ Даоаномъ и Авпрономъ? Не слѣдуетъ ли напротивъ одобрить и похвалить ихъ за то, что они всячески, какъ только могутъ, не пада убогихъ средствъ своихъ, прилагаютъ стараніе о сохраненіи и подъ властію тирана свободы восхвалять имя Христово? А что возводишь ты на патріарховъ, будто сами они докупаются до патріаршества, то это тебѣ кто-то передалъ вѣсть невѣрную. Ты можешь конечно повѣрить, что тамъ престоль патріаршій влечетъ за собою не богатство, не выгоды, но трудъ, притомъ трудъ—больше, чѣмъ для всѣхъ другихъ христіанъ, соединенный съ опасностію: такъ судя по мірскому, не для чего домогаться этого престола. При просьбахъ множества христіанъ, только надежда вѣчной мзды за труды, поднятые для вѣры, даетъ рѣшимость людямъ благоговѣйнымъ принимать на себя эту власть. И если кто нибудь изъ нихъ даетъ что нибудь турку при вступленіи на каеедру, то даетъ не по своему желанію, не по своей волѣ, не для тайной выгоды своей, не изъ своей скринки и не такъ, чтобы этимъ покупалъ у безбожника святое дѣло: даетъ онъ напротивъ по волѣ всей церкви, для охраненія вѣры христіанской, для созидавія церкви Божіей, даетъ изъ общей и нѣкоторыхъ братій казны—для того, чтобы могъ мирно и безпрепятственно совершать свое служеніе въ дѣлахъ управленія, ученія и другихъ пастырскихъ обязанностей,—для тѣхъ, которые призываютъ его на такое служеніе. Что касается до продаванья (духовныхъ)

сановъ, неразсудительныхъ разрѣшеній, соединенныхъ съ продажей даровъ Божіихъ, какую ты, дѣесписатель, приписываешь патріархамъ; то какъ легко было тебѣ сказать это, такъ, безъ сомнѣнія, трудно тебѣ доказать это по сущей правдѣ. О спасеніяхъ не говорю; распускать ихъ не трудно. Можно видѣть это по той нечѣрной розсказнѣ, которую ведеши ты о патріархѣ Іереміѣ, взнося на него то, чего совсѣмъ не было, а именно, будто бы онъ чинилъ денежныя торги съ русскими епископами на духовныя саны. Примѣть самъ, насколько это (не говорю болѣе) согласно и сообразно съ тѣмъ, что ты написалъ вслѣдъ за тѣмъ на второмъ листѣ ¹⁾ о томъ же патріархѣ Іереміѣ, ограничивая его дѣйствіе въ низложеніи и поставленіи владыкъ волею короля, его милости. Если же этимъ заправляла воля короля, его милости; то, конечно, не торги денежныя и не золото. И вотъ тебѣ короткій отвѣтъ на твой упрекъ касательно святокупства. Изъ этого отвѣта ты можешь увидѣть, что безвинно приравнялъ ты цареградскую патріархію къ Даваановой и Авироновой безднѣ, безвинно приписалъ патріархамъ святокупство.

Но ты не довольствуешься этимъ отвѣтомъ и объясненіемъ, а все еще оставляешь за патріархами нѣкоторую вину?.. Хорошо, пусть будетъ такъ, что ты точно усмотрѣлъ пылинку въ очахъ патріарховъ цареградскихъ; мы поэтому отбѣжимъ ²⁾ отъ цареградской патріархіи; но, отбѣжавъ отъ нея,

¹⁾ Листъ здѣсь значитъ двѣ страницы. На второй страницѣ листа, слѣдующаго за тѣмъ, на которомъ Скарга говоритъ о торгахъ патр. Іереміи съ русскими владыками, самъ онъ замѣчаетъ: «когда былъ здѣсь патріархъ Іеремія, хотя и мнимый судья, то не смѣлъ ни одного изъ владыкъ низлагать съ ихъ мѣстъ безъ позволенія короля, его милости, какъ патрона и подавателя всѣхъ вѣдѣчествъ».

²⁾ Говоря отбѣжимъ, авторъ прижнѣняется къ выраженію Скарги, солѣтовавшаго русскимъ бѣжать отъ восточныхъ патріарховъ, какъ отъ Давана и Авирона, когда ихъ пожирала земля.

куда обратимся? Говоришь—до церкви, до пастыря римскаго. И очень,—если тамъ лучше. Но если тамъ хуже? Что, если въ ту пору какъ ты подмѣтилъ пылинку въ глазѣ патриарховъ, мы покажемъ бревно въ глазѣ папѣ, и притомъ очень и очень большое? Что дѣлается въ Греціи не съ умысломъ, не по собственному желанію грековъ, а по неволѣ, по насилію отъ турокъ, того тысячекратно больше дѣлается въ Римѣ и римской церкви, хотя ее никто къ этому не приневоливаетъ и не принуждаетъ. Если вмѣсто поминковъ, по принужденію даваемыхъ гресами туркамъ (что не можетъ назваться святокупствомъ, ибо тому, который, будучи проклятымъ, не имѣетъ никакого подобія раздателя священныя вещи, поминки даются не для полученія отъ него духовной власти, а для спокойствія въ вѣрѣ), въ римской церкви святокупство введено добровольно, намѣренно и обдуманно—расчетливо? Если тамъ явно и безстыдно выставлены, такъ сказать, лавки съ предметами духовной святыни, если затѣмъ стали тамъ обычны разныя, почти купческіе, ряды, торги, сдѣлки, продажи, такъ что едвали найдется кто-либо, особенно изъ духовныхъ, свободный отъ пятна симоніи: что тутъ скажешь намъ? Будешь ли насъ сманивать туда, чтобъ, какъ говорятъ, вести отъ дождя подъ рывну? Если бы ты, дѣписатель, не безчестилъ нашихъ старожитныхъ пастырей, то вѣрно я и твоихъ не тронулъ бы ни однимъ словомъ. Но если нашихъ такъ зло и, какъ показано, безвинно опозорилъ ты; то не ценишь теперь, если, призвавъ тебя въ товарищи, будемъ тѣмъ внимательнѣе присматриваться къ твоимъ. И это для того, чтобъ намъ теперь разрѣшить для себя, должны ли мы, отступивши отъ давнихъ пастырей нашихъ, приступить къ помыслу, который чина, продаваемъ, или чѣтъ. Патриархъ спрашиваетъ тебя дѣписатель, что ты называешь симонією или святокупствомъ? Соглашаешься ли здѣсь съ своимъ латинскимъ учителемъ Иеронимомъ (въ толкованіи на посланіе къ Титу),

что святокупцы—всѣ тѣ, которые церковныя пастырскія должности обрацають въ предметъ своихъ благодѣяній, которые въ раздачѣ ихъ не смотрятъ на самую только пользу и созиданіе церкви, а раздаютъ ихъ лишь по лицепріятію, раздаютъ тѣмъ, которыхъ они жалуютъ либо по родству съ ними, или за какія либо услуги имъ, или по чьей либо протекціи, или наконецъ за поминки? Соглашаешься ли съ твоимъ римскимъ папою Урбаномъ, который такъ говоритъ: кто удѣляетъ или достаетъ церковныя званія не на то, на что они установлены, а ради собственной прибыли и корысти, за услугу, за деньги, или словесное ходатайство, тотъ святокупецъ (1 вопр. гл. 3-я)? Соглашаешься ли съ своимъ Омою Аквинатомъ, который, объясняя эти Урбановы слова, твердитъ, что святокупство производится какъ чрезъ дающаго, такъ и чрезъ берущаго церковныя должности съ помощію чьей либо протекціи, благосклонности, пристрастія, услужливости, подарковъ, вообще всякаго внѣшняго средства и всякаго дара, который можетъ быть отцѣненъ на деньги (Его сент. IV, гл. 25, раз. 3 въ 3-й строкѣ)? Если ты, дѣеписатель, соглашаешься съ этими учителями своего костела, то скажи мнѣ щирую правду, что думаешь о римскомъ костелѣ, если взять его на подобное испытаніе: покажется ли онъ свободнымъ отъ симоніи? Будь же увѣренъ, что есть много великихъ, нелегкихъ и, скажу, неподобныхъ вещей, какія могутъ быть выставлены здѣсь противъ тебя. Невозможно свести съ ума весь свѣтъ, который видитъ и знаетъ, что дѣлается у васъ: и не ходя въ Римъ, всѣ можемъ судить о томъ отъ однихъ дѣлъ польскихъ. Ибо много ли укажешь здѣсь мнѣ такихъ духовныхъ римскаго исповѣданія, которые бы получали церковныя имѣнія только для служенія славы Божіей и церкви Его? Не видимъ ли явно, что однихъ затягиваетъ на духовные хлѣба ¹⁾ усильная забота о своей отчинѣ и

¹⁾ Выраженіе современное, означающее имѣнія и др. матеріальныя средства, приуроченныя къ духовнымъ должностямъ.

многочисленной роднѣ въ ней принадлежащей, другихъ—расчетливая мысль о вознагражденіи какихъ либо попесенныхъ утратъ, обогащеніи своемъ или своихъ кровныхъ; третьихъ—желаніе славы и предпочтенія предъ свѣтскими людьми, ибо они видятъ, что прелать, то—милостивый панъ; четвертыхъ—исканіе покойной и счастливой жизни, а иныхъ—еще другіе подобныя виды? Ужели не видимъ, какъ обыкновенно духовные охотно поднимаютъ на мѣста духовныя либо своихъ родныхъ, или своихъ пріятелей—приживальцевъ, или своихъ слугъ, такъ что иной кто либо, хотя бы достойнѣйшій и способнѣйшій, но не находящійся въ связяхъ съ ними, не можетъ протиснуться къ этимъ мѣстамъ? А отсюда не видимъ ли явно, что раздача сытаго Христова хлѣба дѣлается по видамъ родства, протевціи, приживальства, услугъ и другихъ житейскихъ расчетовъ? Это стало такъ обыкновенно, что, можно пообинуясь сказать, нѣтъ ни одного римскаго духовнаго, владѣющаго какими либо имуществами церковными, который бы сталъ плебаномъ не по этимъ видамъ. Какъ же теперь римскій костелъ можетъ быть свободенъ отъ симоніи?

Впрочемъ, если бы дѣеписатель и не хотѣлъ соглашаться съ упомянутыми учителями своей римской секты, и симонію полагалъ только въ добываніи и раздачѣ предметовъ духовныхъ за деньги и подаяни, которыя могутъ быть оцѣнены на деньги, то и въ этомъ случаѣ онъ не очиститъ римской церкви и ея высшихъ духовныхъ лицъ отъ святокупства. Думая теперь догадывать это, не знаю, съ чего начать. Какъ на нѣкое великое, широкое, глубокое, необозримое море васматриваюсь я на неисчислимыя роды симоніи въ римской церкви и вздрагиваю, погружаясь въ него. Ибо ~~васматриваясь въ него~~, что дѣлается въ Римѣ, кто можетъ обнять ~~многими тысячами~~ ~~многими тысячами~~ ~~многими тысячами~~ всѣ различные способы симоніи? Кто достаточно выразитъ безстыдство ея? Тамъ, выискивая каждый разъ новыя моторичи; подъ новыми каждымъ годъ формами и

пазваліями, открывая, что день, новые ключи и ведра для черпанія золота, каждый часъ хватаютъ прибытки со всѣхъ предапныхъ Риму народовъ, со всѣхъ случаевъ, со всѣхъ дѣлъ. Тамъ выдаютъ себя владыками не только земли, но и неба, и не довольствуясь этимъ, еще вымышленнаго чистилища. Тамъ усваиваютъ себѣ надъ всѣми и во всѣхъ духовныхъ и мірскихъ предметахъ власть освященія, благословенія, строенія, разрѣшенія, списхожденія, отмѣненія, разсужденія, утвержденія, оглашенія, отлученія, сокрытія, соединенія, воплощенія, удержанія, погубленія, спасенія и всякія другія имъ подобныя вещи, какія только выдумаютъ. Изъ этого же источника возникли поѣздки въ Римъ за кардинальскими шапками, сакрами, епископскими плащами, также посылки для отдачи послушанія, для полученія различныхъ буллъ, отпустовъ, разрѣшенія преступленій (кромѣ одного непослушанія своей столицѣ Риму), также лепты св. Петра канонизаціи, юбилейные годы, индульгенціи. Какую прибыль получаютъ отъ всего этого римскій епископъ, дворъ и канцелярія, показываетъ уже тотъ неимоверный избытокъ живущихъ въ Римѣ кардиналовъ и прелатовъ, который и требуетъ великаго накладу. Особенно много, что день, дерутъ золото съ обманутыхъ людей тѣ изъ нихъ, которые прикладываютъ новое слово къ булламъ. Усматривая то, какъ много денегъ пожирать эта громада кардиналовъ и прелатовъ, папа Венедиктъ, когда его просили поставить новыхъ кардиналовъ, сказалъ: «радъ бы я это сдѣлать, если бы только могъ создать новый міръ, потому что теперешняго міра едва хватаетъ для существующихъ кардиналовъ». Этотъ сборъ, эта прибыль, получаемые Римомъ съ лавокъ и товаровъ духовнаго свойства, видно еще изъ того, что люди весьма состоятельныя, изъ родовъ королевскихъ, княжескихъ, едва достигаютъ красныхъ шапокъ, истративъ на это подъ часъ всѣ большія имѣнія свои. Если же одинъ кусочекъ краснаго сукна оплачивается такъ дорого;

то посудите, какой доходъ и барышнѣ получается тамъ, гдѣ есть много такихъ шапокъ, плащей, буллъ, такъ называемыхъ милостей граціи или и другихъ подобныхъ вещей, знаменующихъ духовную власть и честь? Простой епископъ, кромѣ главной почести (платы) за посвященіе, сколько еще припужденъ дать въ канцеляріи за буллу, такъ называемую старѣйшую, за буллу комиссіи или порученья, буллу разрѣшенія, буллу до клироса, буллу до духовенства, буллу до людей свѣтскихъ, буллу до архіепископа, буллу до короля, буллу присяжную, сколько еще особо за себя по ставленной грамотѣ, за даръ посвященія, за даръ благословенія, не вспоминая уже о другихъ! Кто хочетъ, пусть тамъ провѣдастъ все это; оттоль лучше поузнаетъ онъ и о другихъ доходахъ за продажу священныхъ предметовъ. А кому трудно до Рима добратъся, пусть спроситъ на совѣсть у жидка плебана, бѣлаго монаха св. троїцкаго монастыря въ Краковѣ, который ѣздилъ въ Римъ подѣлу канонизаціи святаго Яцеа: что онъ раздалъ за эту канонизацію, сколько локтей золотой парчи (золотоглаву), сколько другихъ дорогихъ матерій поварѣзалъ для кардиналовъ, сколько чистыми деньгами засыпалъ? Сосчитай все это, и увидишь, что эта новая святость, поданная напою св. Яцку, вытянула изъ Польши въ годъ 20 тысячъ золотыхъ. А отсюда уже соображай, какую ловушку, какія счастливыя сѣти имѣютъ у себя эти римскіе рыболовы, какой значительный уловъ получаютъ они изъ своихъ ловушекъ и сѣтей, разставленныхъ ими на чужіе гроши. Скажешь тутъ, пожалуй, дѣписатель, что хотя все это дѣлается въ Римѣ, но не самимъ напою, что самъ онъ не дѣлаетъ этихъ промысловъ? Но хотя бы самъ онъ и не дѣлалъ, все равно не остался бы безвиннымъ; потому что не только по чужимъ, но и своимъ чужимъ чужимъ приближеннымъ, не дажѣ отрываятъ имъ въ этомъ промыслѣ надежную кладовую всякой живности и награду за послуги себѣ. То однако вѣрно, что

и самъ папа участвуетъ въ этомъ сватокупствѣ, самъ подписываетъ тѣ буллы и листы на свящ. и духовные предметы самъ болѣе всего тѣшится съ денегъ, поступающихъ за нихъ. Припомнилъ бы я тутъ объ ономъ давно умершемъ папѣ, который, когда его, лежащаго на смертельномъ одрѣ иотчаявающагося въ спасеніи души, духовные прелаты утѣшали, налегая особенно на то, что онъ, имѣя въ рукахъ ключи царствія небеснаго, можетъ, если другимъ, то тѣмъ болѣе себѣ отворить дверь въ него,—спросилъ: какъ они думаютъ,—продавецъ имѣеть ли право на продажную вещь? И когда они сказали, что нѣтъ, онъ закричалъ, говоря: «все уже напрасно! сѣлъ на мѣли: продать небо другимъ, а для себя потерялъ!» Припомнилъ бы я тутъ другихъ давнихъ папъ, которыхъ симоніа обнаружилась такъ явно, что за нее и низвергли ихъ на нѣкоторыхъ соборахъ. Но къ чему намъ примѣры давніе, когда по дѣйствию сатаны, у насъ нѣтъ недостатка и въ примѣрахъ свѣжихъ, даже теперешнихъ? Продажа папами святыя предметовъ стала такъ обыкновенною, что и слѣпой можетъ почти дощупаться ея своими руками.

Нужно однако признать за папами то, что нѣкоторые дѣла особенно разрѣшенія, они производили подъ часъ и даромъ въ силу только своей начальственной власти, хотя впрочемъ такія даровыя производства были у нихъ, правду сказать, и для каждаго. Даромъ папа Григорій VII разрѣшилъ отъ присяги римскому императору Генриху IV нѣмецкій народъ, особенно Рудольфа, князя швабскаго, и даромъ послалъ ему корону съ такою надписью: Камень далъ Петру, а Петръ корону Рудольфу (Іоан. Авентинъ кн. 5-я). Но этотъ даровый поминовъ худо удался Рудольфу; ибо въ битвѣ, которую онъ за папскимъ разрѣшеніемъ имѣлъ съ своимъ государемъ, онъ потерялъ правую руку, почему, приближаясь къ смерти, призывалъ къ себѣ епископовъ и, положивъ между ними ту руку свою

сказалъ: «вотъ та рука, которою я совершалъ присягу Генриху, моему государю! По папскому подущенію и вашему настоянію я подвизалъ ее противъ него и за то потерялъ ее: замѣчайте же, какъ хорошо вы совѣтовали! Оставляя при васъ вину моего преступленія, иду теперь въ путь отцевъ моихъ и всего рода людскаго». Даромъ тотъ же Григорій VII разрѣшилъ Генриху V, сыну того же императора Генриха IV, возстать противъ своего отца, какое разрѣшеніе тоже не пошло въ прокъ; ибо, хотя, по этому разрѣшенію, онъ и побѣдилъ отца, но, по праведному суду Божию, потерпѣлъ такую же бѣду, когда другіе папы, а особенно Александръ III разрѣшилъ и возбудилъ возстать противъ него подданныхъ его. Даромъ папа Иннокентій IV разрѣшилъ Генриха, ландграфа Турингін, отъ повиновенія Фридриху II, римскому императору, и даромъ далъ ему благословеніе на войну противъ своего государя; даромъ позволилъ употребить и крестовыхъ воиновъ противъ него, какъ противъ турка. Но и это даровое разрѣшеніе и благословеніе не пошло въ прокъ ландграфу; ибо недолго спустя онъ побѣжденъ и казненъ въ Франкфуртѣ (Іаковъ Вимфоній въ кн. о дѣлахъ нѣмецкихъ гл. 32). Но оставляю въ покоѣ примѣры изъ дальнихъ краевъ. Возьму ближе. Даромъ папа Евгений IV чрезъ кардинала Юліана разрѣшилъ польскаго короля отъ присяги и перемирія съ турецкимъ султаномъ, утвержденного этою присягою. Но это даровое разрѣшеніе не посчастливилось Владиславу, ибо и самъ онъ погибъ и погубилъ христіанское войско подъ Варною (Хромей отъ лѣтопис. кн. 21). Все это ~~сказавъ, я не могу~~ ^{нужно} припомнить для того, чтобы дѣписатель видѣлъ, что я, ~~хочу~~ ^{хочу} сдѣлать, отдаю справедливость и римскимъ папамъ, а затѣмъ не оспариваю и того, что иные изъ нихъ разрѣшаютъ даромъ.

Что касается самаго вступленія папъ на римскую кафедру, то и съ давнихъ примѣровъ не трудно бы доказать, что и оно бывало не безъ симоніи. Здѣсь могъ бы я припомнить и того папу, о которомъ сами же ваши написали, что «онъ вступилъ на кафедру какъ лиса, жилъ на ней какъ левъ, умеръ какъ пестъ ¹⁾». Могъ бы я присоединить и много другихъ папъ о которыхъ сами же писатели римскаго двора писали, что они достигали папства не добродѣтелями, но посулами, т. е., раздачей щедрыхъ поминковъ. Наконецъ я могъ бы припомнить и тѣхъ, которые покупали папство позорно-дорого, т. е. за душу съ которою они всецѣло предались діаволу. Вѣроятно, дѣеписатель отвѣтитъ на это, что то—дѣла давнія, послѣ которыхъ наступилъ уже новый способъ избранія папъ, и притомъ—такой, которымъ предупреждено всякое святотупство. Я однакоже слышу отъ пріѣзжающихъ изъ Италіи, что эта симонія и теперь тамъ водится. Ибо тотъ, кто рассчитываетъ быть избраннымъ, обыкновенно, еще при жизни другаго папы и заблаговременно, съ помощію поминковъ и разныхъ услугъ кардиналамъ-избирателямъ, захватываетъ собѣ ихъ расположенность и благожелательность и голоса ихъ потихоньку брѣвно упрочиваетъ за собою. Это обыкновенно помнятъ избиратели, хотя, по смерти одного папы, они избираютъ другаго и сидя по одиночѣ въ комнатахъ. Хотя бы впрочемъ въ точности этого и не было, но такъ какъ папы бывають обыкновенно изъ кардиналовъ, а доступъ къ кардинальству лежитъ только чрезъ дорогую симонію: то кто не видитъ, что относительно духовнаго сана своего папы не свободны отъ симоніи? Если все это такъ; то пусть дѣеписатель не выѣзжаетъ намъ во зло, что мы, изъ-за несправедливо приписываемой имъ константинопольскимъ патріархамъ симоніи, не можемъ

¹⁾ Это писано и говорено было о папѣ Львѣ X.

осталы отъѣхати и пристать къ римскимъ папамъ, явнымъ еретикомъ и ни въ какомъ отношеніи не свободнымъ отъ еретикства, и за тѣмъ — и къ римскому костелу, который весь опрашенъ еретикствомъ. Когда не будетъ этихъ еретиковъ, угаванныхъ въ римскомъ костелѣ, тогда и будетъ можно ему говорить съ нами о соединеніи съ нимъ. А теперь рѣчамъ его нѣтъ мѣста у нашихъ ушей.

Басательно гордости, которую дѣеписатель приписалъ давнимъ цареградскимъ патріархамъ, нѣтъ нужды и отвѣчать ему, ибо своихъ словъ онъ ничѣмъ не подкрѣпляетъ. Впрочемъ если, захѣтивъ у нихъ гордость, онъ, ради ея, внушаетъ намъ страхъ къ цареградской патріархіи, то пусть скажетъ намъ, какъ онъ думаетъ: отступивши отъ цареградской патріархіи попиали бы мы на покорнѣйшаго старшаго въ Римѣ? Если же думаетъ онъ, — не на покорнѣйшаго; то пусть скажетъ намъ: согласенъ ли съ смиреніемъ и примѣромъ смиреннаго Христа Спасителя, котораго намѣстникомъ называется римскій папа, поступокъ папы Александра III, о которомъ читаемъ, что когда онъ въѣзжалъ въ городъ, то король Людовикъ французскій и Георгій англійскій, одинъ у лѣвой, другой у правой ноги занимая мѣсто конюховъ, шли пѣшкомъ черезъ городъ? О немъ же имѣемъ, что онъ тотчасъ по шеѣ упомянутаго императора Фридриха V (какъ бы воздавая ему, по праведному суду Болю, за то, что онъ прежде тѣмъ возставалъ противъ своего отца, подушенный къ тому другимъ папою), повелѣвъ ему упасть предъ своими ногами и приговаривая слѣд. слова Давидовы: *наклонися и вассилиска наступиши и попереши льва и змия. Не оставя въ покоѣ старыя дѣла*, пусть объяснитъ намъ дѣла папы римскаго съ примѣромъ кроткаго владыки Христа, который наклонялся къ ногамъ своихъ учениковъ и умывалъ ихъ. согласуется то, что дѣлаетъ римскій папа и понынѣ, когда повелѣваетъ доблестнымъ монархамъ склоняться и падать къ

его ногамъ и цѣловать ихъ? Пусть объяснятъ намъ, какъ довольство, роскошь и надменность римскаго папы, превышающія пышность свѣтскихъ державцевъ, согласуются съ уничиженіемъ и убожествомъ Христа Господа? Пусть объяснятъ намъ, что за сравненіе тройной золотой короны съ терновымъ вѣнцомъ? Что за сравненіе тѣхъ миролюбцевъ, которыхъ папа сажаетъ подлѣ себя ¹⁾ только изъ людей сильныхъ и богатыхъ, съ Господними апостолами убогими, нисколько незнаемыми и не имѣющими ни золота, ни серебра? Если же дѣеписатель назоветъ все это внѣшностію, не выражающею собственно гордости; то, всматриваясь въ самую суть вещей, пусть покажетъ намъ, какое еще для смертнаго человѣка могло бы быть превозношеніе—больше того превозношенія римскаго папы, которое обнаруживается изъ книгъ собственныхъ льстецовъ его? Превознесъ онъ себя надъ всѣми людьми живущими въ свѣтѣ. Превознесся надъ вселенскими соборами, приписывая себѣ лице всей соборной церкви и утверждая, что лишь по волѣ его одного они могутъ состояться или уничтожиться. Превознесся онъ надъ святымъ писаніемъ, повелѣвъ принимать свой (папскій) разумъ за вѣрное опредѣленіе Св. Духа. Превознесся онъ надъ тѣми, которыхъ псаломникъ называетъ богами, т. е., надъ князьями, королями, кесарями, отнявъ у нихъ королевскій скипетръ и корону и присвоивъ себѣ, такъ чтобы они брали ее отъ него. Свидѣтельствуютъ о томъ слова, которыя выпи-сываю здѣсь и которыя находятся частію въ декреталіяхъ, частію въ другихъ сочиненіяхъ папскихъ льстецовъ. «Папа есть вселенскій судья всѣхъ людей и не можетъ быть судимъ никѣмъ: ни императоромъ, ни королемъ, ни всѣмъ духовенствомъ, ни всѣмъ народомъ. Ибо написано пророкомъ Исаіею:

¹⁾ Авторъ выражается—«до божу своего сажаетъ», принимаясь къ извѣ-стному а. laterc.

поднимается ли сфера противъ работающаго ею? Чтобы онъ ни сдѣлалъ, ничто не можетъ ему сказать: господинъ, почему такъ дѣлаешь? Онъ имѣетъ всякое право, всякую правду, заключенную въ сокровищницѣ лона его, а всѣ епископы черпаютъ отъ его полноты. Никакіе соборы не могутъ предписывать правилъ римской церкви. Авторитетъ римскаго епископа выше всѣхъ соборовъ и изъять изъ нихъ разсужденія. Хотя бы весь свѣтъ въ какомъ либо дѣлѣ разсудилъ противно папѣ, и тогда нужно держаться болѣе папскаго мнѣнія, чѣмъ его. Хотя бы кананесчетныя толпы людей тянуль за собой въ адъ, однако ни одинъ смертный пусть не смѣетъ порицать его за это. Папа можетъ дѣлать все, что Христосъ дѣлаетъ. Одинъ престолъ—папинъ и Христовъ. Что угодно папѣ, то и законъ. Въ томъ, чего онъ хочетъ, собственная воля составляетъ для него уже доказательство. Для оправданія его дѣйствій не нужно давать другой, большей причины, кромѣ слѣдующей: такъ онъ воленъ, ибо изъ ничего онъ можетъ сдѣлать что нибудь. Имѣетъ онъ совершенную власть обоюднаго меча: мірскаго и духовнаго. Свѣтскій князь не можетъ брать меча иначе, какъ столько по мнѣнію папы. Онъ наследникъ царства и выше кесаря, папа—десятью семью ступенями, и это потому, что и нѣтъ, да столько же ступеней отстоитъ отъ солнца. Онъ позволяетъ кесарю называться прокураторомъ римской церкви. И воленъ ему дѣлать королей и кесарей». Такія-то и симъ подобныя рѣчи написаны папахъ въ сочиненіяхъ придворныхъ римскихъ писателей. Красотою этихъ рѣчей служатъ слѣд. слова, также сказанныя папамъ: папа—нашъ Господь Богъ, ты для всѣхъ и надъ всѣмъ; тебѣ дана всякая власть какъ на землѣ, такъ и на небѣ». Чего же еще, любезный мой дѣписатель, недостаетъ до совершеннаго превозношенія и всецѣлой гордыни римскихъ папъ въ этомъ, сейчасъ указанномъ, величаніи ихъ, какое дѣлалось частію ими самими, частію, по волѣ

*

ихъ, льстецами ихъ? Что когда либо надменнѣе сего показали въ себѣ гордый Навуходопосоръ, надменный Александръ, превозносившійся Домиціанъ? И къ такому-то смиренному начальнику должны мы перейти отъ гордыхъ константинопольскихъ патріарховъ? Такому-то должны мы отдаться въ послушаніе? Ему-то въ неволю и подъ его ярмо должны мы склонить нашу выю?... *Господи Боже вседержителю! Которому единому приписываемъ мы божество, также дѣйствія и суды, не подлежащіе никакому прерѣканію, но основанные на единой волѣ Твоей, которому единому приписываемъ всякую совершенную власть, полную на небѣ и на земли, не допуская никакого творенія до участія въ ней! Спаси насъ отъ такого владыки щедротами Твоей святой благодати!*

При заключеніи этой главы, весьма желаемъ узнать отъ тебя, дѣписатель, какъ ты думаешь,—правда ли то, что написалъ папа Григорій: «тотъ, кто худо пользуется властію или употребляетъ ее во зло, заслуживаетъ лишенія принадлежащаго ему преимущества»? Или же, правда-ль то, что сказалъ папа Сильверій: «пусть утратить и то, что имѣлъ, тотъ, кто употребляетъ и присвоитъ себѣ то, чего ему не дано»? А если это правда, то какъ думаешь ты: римскій папа не утратилъ ли совершенно принадлежавшей ему наравнѣ съ другими епископами власти—за то непомѣрное, безстыдное и богохульное расширеніе ея, за то вообще злоупотребленіе ею, о которомъ сказано нами выше? Рады будемъ слышать, какъ ты тутъ вывернешься. Затѣмъ, кончивъ настоящую главу, приступаемъ къ слѣдующей.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

ГЛАВА 4.

Изъ-за того, что, какъ утверждаетъ дѣписатель, бываетъ иногда по нѣскольку являя падеградскихъ патріарховъ и что между ними происходятъ при этомъ несогласія,—слѣдуетъ ли намъ отстутствовать отъ цареградской патріархіи и пристать къ римскому папѣ?

Между словами дѣписателя, приведенными въ прежней главѣ, находятся и слѣдующія, что «цареградская патріархія имѣетъ иногда трехъ, иногда четырехъ живыхъ патріарховъ». Затѣмъ дѣписатель присовокупляетъ еще слѣд. слова: «несогласіе и раздоры между ними таковы, что изъ-за этихъ раздоровъ турки отняли у нихъ бывшую въ городѣ церковь, куда, по взятіи Цареграда, они были выгнаны изъ церкви св. Софіи, и дали имъ другую худенькую на предмѣстьи въ углу». Объ этихъ-то словахъ будемъ теперь говорить и съ тѣмъ вмѣстѣ разсматривать, слѣдуетъ ли намъ изъ-за такихъ словъ отстутить отъ цареградской патріархіи и пристать къ римской каселѣ, какъ подговариваетъ насъ дѣписатель.

Напередъ, что касается того, будто, какъ твердитъ дѣписатель, бываетъ заразы много патріарховъ; то, если бы это была правда, онъ, конечно, привелъ бы не одинъ примѣръ на это. Но какъ онъ не привелъ ни одного примѣра, то, видно, онъ высосалъ это себѣ изъ пальца. а по сущей правдѣ доказать этого не можетъ. что же касается смуть и ссоръ, на которыхъ онъ взваливаетъ причину отнятія турками у христіанъ нѣкую патріаршю церковь въ Константинополѣ, то и это—сущая клевета, безбодное злословіе на христіанъ; это скорѣе—дѣло злои самаго турскаго турецкаго. Быть можетъ, нѣкоторые турки были посторонними, христіанами, спрашивающими о причинѣ

такого отнятія (церкви), и приписываютъ ее несогласіямъ христіанъ греческаго народа. Но кто же не понимаетъ, что это только заѣлика, подобная той: «баранъ мутитъ мнѣ воду!» Не мало впрочемъ найдется и такихъ турокъ, которые спрашивающаго отошлутъ съ слѣд. словами: «а что бы гаурамъ дѣлать тутъ на такомъ красномъ мѣстѣ!» Кто вникнетъ въ самое дѣло, тотъ легко догадается, что тирану была противна не ссора христіанская, которой онъ напротивъ, вмѣстѣ съ другими, просить у Господа Бога, а правда вѣры христіанской, тутъ же подлѣ него одолѣвавшая Магомета, съ вѣрою котораго она тутъ сопоставлялась; своею, видимою всѣмъ красною она колола глаза ему (тирану); ему несносна была свѣтлость ея, поставленная на высокомъ мѣстѣ. Что удивительнаго, что желая затмить и уничтожить ее, онъ вытолкалъ христіанъ изъ ихъ храмовъ въ предгородные углы? И если тотчасъ по взятіи Константинополя турки отняли у христіанъ всѣ церкви, кромѣ одной, то ужели и тогда ихъ побудила къ тому ссора христіанъ? Не болѣе ли напротивъ тутъ дѣйствовали желанія и замысль—пограть истинное служеніе Богу? Суди, милосердный Боже, что христіанинъ взводитъ на христіанъ то, что изрѣдка приписываютъ имъ и турки! Взводитъ то, что легко опровергается самою сообразностію дѣла: ибо сообразно ли — производить между собою раздоры, стоя въ лагерѣ тутъ же подлѣ непріятеля? Сообразно ли заниматься тутъ тѣмъ, что соединено съ великою опасностію?

Но пусть было бы и такъ, какъ лживо написалъ этотъ неразумительный христіанинъ, будто бы, то есть, цареградская патріархія имѣла иногда трехъ, иногда четырехъ живыхъ патріарховъ. Пусть бы и такъ, что христіане, за ихъ ссоры, вытолканы были съ своимъ благочестіемъ изъ города Константинополя на предмѣстье: слѣдовало ли бы однако изъ-за того предпочитать римскую кафедру патріаршей и, оставивъ

патріарховъ, пристать въ папѣ? Ты, дѣписатель, безъ всякаго довода, безъ указанія какого либо примѣра, взвелъ на цареградскую патріархію то, что она имѣетъ заразъ по нѣсколько негодныхъ головъ. Но мы изъ собственныхъ книгъ римскихъ писателей можемъ указать въ римской церкви много примѣровъ на то, что въ одно и тоже время было тамъ по нѣсколько римскихъ папъ, другъ другу враждебныхъ и—что болѣе—выставлявшихъ другъ противъ друга войска и проливавшихъ кровь для своего славолубія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не помнишь ты исторіи того раскола или разрыва, изъ-за римскаго папства или епископства, между Новатомъ и Корнеліемъ, которая была около 264 года по Христѣ? Не помнишь того раскола между Ливеріемъ и Феликсомъ, который былъ около 354 года? Не помнишь того раскола между Бонифациемъ I и Евлогіемъ, который былъ около 424 года? Не помнишь и того раскола между Симмахомъ и Лаврентіемъ, который былъ около 494 года? Не помнишь того раскола между Сизиміемъ и Дискритіемъ, который былъ около 604 года? Не помнишь того раскола между Евгениемъ и Сисимомъ, который былъ около 824 года? Ужели не помнишь и того раскола, который, около 894 года, былъ между Сергіемъ, Формозомъ, Теодоромъ, Іоанномъ, Романою, Бонифациемъ и Венедиктомъ, которые, въ диовинной путаницѣ, другъ друга проблинали, низвергали, заѣдали, грызли, ваяючали, убивали, наконецъ, вырывая по смерти изъ земли, чинили сирѣпное поруганіе? А именно Стефанъ, вырвавши у Формоза, содралъ съ него папское облаченіе и одѣвши въ простое, и при этомъ отсѣкши у него два пальца, которыми онъ совершалъ посвященіе и бросивъ ихъ въ рѣку Тибръ, приказалъ оросить его въ землю, какъ еретика. Напомнишь ли ты расколъ между Іоанномъ XII и Львомъ VIII, который былъ около 954 года? Не помнишь того раскола между Григоріемъ V и Крисентіемъ, принявшимъ

названіе Іоанна XVII, который былъ около 994 года? Не помнишь того раскола между Венедиктомъ VIII и другимъ, ему враждебнымъ, вторгавшимся на папство, который былъ около 1024 года? Не помнишь того раскола между Венедиктомъ IX, Сильвестромъ III, Григоріемъ VI и Климентомъ VI, который былъ около 1034 года? Не помнишь того раскола, который былъ около 1074 года между Александромъ II и Кодиломъ? Не помнишь того раскола между Григоріемъ VII и архиепископомъ равенскимъ, который былъ около 1084 года? Не помнишь того раскола между Паскаліемъ II, Альбертомъ, Арнольфомъ и Осодоритомъ, который былъ около 1104 года? Не помнишь того раскола между Елагіемъ II и нѣкимъ Венедиктомъ, который былъ около 1114 года? Или же—раскола между тѣмъ же Венедиктомъ и Каллистомъ II, который, поймавъ Венедикта, повелѣлъ, при вѣздѣ своемъ въ Римъ, посадить его (Венедикта) на мулицу обратно, то есть, задомъ до головы, и такимъ образомъ онъ долженъ былъ ѣхать передъ Каллистомъ держа въ своихъ рукахъ хвостъ вмѣсто узды, затѣмъ былъ загноенъ въ заключеніи? Не помнишь того раскола между Иннокентіемъ II и Петромъ Леонисъ, принявшимъ названіе Анаклита, который былъ съ 1164 года и продолжался 17 лѣтъ? Не помнишь того раскола между Іоанномъ XXII и нѣкимъ Петромъ Декорборіо, который былъ около 1304 года? Не помнишь того раскола между Урбаномъ VI, Климентомъ VII, Бонифаціемъ IX, Венедиктомъ XIII, Григоріемъ XII, Иннокентіемъ VII, Александромъ V, Іоанномъ XXIII и Мартиномъ V, который начался съ 1374 г. и продолжался сорокъ лѣтъ? Не помнишь того раскола между Евгеніемъ IV, Феликсомъ V и Амодіемъ, который начался съ 1434 г. и продолжался шестнадцать лѣтъ? Если ты, дѣписатель, всего этого не помнишь, потому что, быть можетъ, давно читалъ о томъ; то скажи,—и я тебѣ припомню и выпишу именно, гдѣ и какой собственный вашъ ла-

тихъ историкъ писалъ объ этихъ раздѣленіяхъ. И если ты
 потребуешь того, то я напомину тебѣ тутъ же не только тѣ
 несогласія, раздоры и междоусобія римскихъ папъ, какія ты
 одною приписываешь греческой патріархіи, но что еще важ-
 нѣе, — тѣ кровавыя войны, какія въ прежніе вѣка римскіе папы
 царю возбудили, находя наибольшую утѣху и забаву въ
 кровавыхъ свалкахъ однихъ христіанъ съ другими. И это по-
 тому, что въ ту пору какъ христіане, по ихъ подущенію, въ
 азаватой дракѣ губили одни другихъ, папы междутѣмъ расши-
 ряли свое могущество и господство надъ ними, ос-бенно же надъ
 императорами и королями. Если захочешь, гово-рю, то все это
 я тебѣ покажу изъ собственныхъ вашихъ латинскихъ исторій.
 И если все это такъ, то выѣстъ съ своею бра-тискою не выѣ-
 стъ и то, что жъ-за того упрямъ, историкъ, на-
 основательно и несправедливо дѣлаешь царегр-дской патріар-
 хіи въ совѣстности многихъ патріарховъ, та-же въ несогла-
 сій и раздорахъ, мы не отступаемъ отъ восточныхъ патрі-
 арховъ, и не пристаемъ къ римскому папѣ.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

Глава 5.

Изъ-за того недостатка утѣшенія, науки, порядка,
 защиты и любви. какою дѣписатель приписы-
 ваетъ патріархамъ, — слѣдуетъ ли отст-упиться отъ
 нихъ и присоединиться къ римскому папѣ?

Дѣписатель такъ пишетъ о цареградскихъ патріархахъ.
 Не подающіи никакого утѣшенія христіанамъ, состоящимъ
 въ немирѣ, не подаютъ и ученія, ибо сами не
 могутъ управлять, ибо сами не могутъ
 дать спеціальной защиты противъ еретиковъ; и въ у-
 нихъ нѣтъ любви къ ближнему, ибо любовь ихъ угасла въ

отщепенствѣ*. Если въ этихъ словахъ дѣписатель подъ ученіемъ разумѣетъ сѣяніе обмановъ и раздоровъ; если подъ управленіемъ—введеніе въ церкви Божіей все новыхъ и новыхъ регулъ или чиновъ и измышленіе неслыханныхъ дотоѣ обрядовъ и сановъ; если подъ защитою—высвобожденіе своихъ, хотя и злодѣйствующихъ, прелатовъ отъ заслуженнаго наказанія гражданскаго и угнѣтеніе и преслѣдованіе тѣхъ, которые не хотятъ плясать по волѣ (папы); если подъ любовію разумѣетъ онъ коварныя лиги, бунты и скопы: то надобно согласиться съ нимъ, что какъ римская столица всѣмъ этимъ богата, такъ въ константинопольской патріархіи, по милости Божіей, всего этого нѣтъ. Но если подъ ученіемъ онъ разумѣетъ истину слова Божія и каноны св. отцевъ; если подъ управленіемъ разумѣетъ смотрѣніе за тѣмъ, чтобы ничто не дѣлалось такъ, какъ не должно; если подъ защитою—переубѣжденіе заблудшихъ и прельщающихъ, а подъ любовію—добродѣтель, выполняющую законъ ея: то въ такомъ ученіи, порядкѣ, защитѣ и любви, по милости Божіей, не было и нѣтъ недостатка у цареградской патріархіи и людей греческой вѣры.

И во-первыхъ, что касается евангелія Христова, то—дѣло извѣстное, что какъ въ принятіи его греческіе народы слѣдовали сейчасъ за еврейскимъ, предупредивъ римскій народъ и костель, такъ и въ постоянномъ храненіи его и преподаваніи другимъ они имѣютъ первенство предъ римскою церковію. Свидѣтельствуєтъ о томъ Евсевій, который пишетъ (кн. II, гл. 26), что первѣе всего св. Маркъ евангелистъ началъ основывать церкви, а затѣмъ и передавать евангеліе въ Александрію. Согласно съ Евсевіемъ, Никифоръ (кн. II, гл. 43) пишетъ, что св. Маркъ не только Александрію, но и Ливію, и Кириню, и Пентаполию прошелъ съ проповѣдію еще во время Тиверія, что было по крайней мѣрѣ за шесть лѣтъ прежде, чѣмъ св. Петръ пришелъ въ Римъ. Свидѣтельствуєтъ и блаж.

Августинъ (посл. 170 и 179), который пишетъ, что не изъ Рима, а изъ Греціи христіанская вѣра прежде пришла въ міръ, особенно въ Африку. Свидѣтельствуешь о томъ заимствованіе св. писанія римлянами отъ грековъ изъ ихъ перевода. Свидѣтельствуешь о томъ и то, что отъ грековъ брали они образцы въ совершеніи богослуженія, о чемъ читаемъ въ письмѣ папы Дамаса и въ письмахъ Иеронима, особенно въ письмѣ его къ Павлину римлянину, гдѣ онъ грекамъ усволяетъ самые источники, а римлянамъ и латинянамъ только ручейки, выходящіе изъ нихъ. Но—что болѣе всего—подтверждаетъ это апостоль Павелъ, который, въ своемъ посланіи къ римлянамъ (гл. 1), называетъ *евангеліе силою Божіею, во спасеніе—іудеомъ же прежде и* (не римлянамъ, но) *грекамъ*. Тотъ же апостоль, пиша къ грекамъ, усволяетъ имъ то, что отъ нихъ вѣра Господня огласилась не только въ Македоніи и Ахаіи, но и во всякомъ мѣстѣ (1 Сол. 1, 8); признаетъ за ними и то, что они стали образомъ для всѣхъ вѣрующихъ, подражателями церквамъ Божіимъ, находящимся въ Іудеѣ (тамъ же 1, 7; 11 14). Приписывая имъ твердое пребываніе въ вѣрѣ—до конца, говоритъ, что Тотъ, Который началъ въ нихъ дѣло доброе, *будетъ и совершать его до дня Христа Іисуса*. А говоря о римлянахъ, апостоль, хотя и признавалъ за ними то, что вѣра ихъ возвыщалась во всемъ мірѣ, однако даль ясно замѣтить и то, что церковь ихъ съ теченіемъ времени чрезъ гордость будетъ удалиться отъ истинной вѣры: ты, говоритъ онъ, стоишь вѣрою; не высокоумствуй, но бойся, чтобы и тебя Богъ не *высѣкъ* (вырубилъ), какъ іудеевъ ¹⁾. Согласно съ этими словами, *за римскою церковію признается то, что отъ временъ Апостольскихъ она не малое время стояла вѣрою, какъ должно, протѣвляясь еретическимъ заблужденіемъ и помогая въ ихъ*

¹⁾ Последняя половина текста составляетъ собственный перифразъ автора (См. посл. Рим. XI, 20—21. 1901 г.)

истребленіи церквамъ греческимъ: въ ту пору она имѣла нѣкоторыхъ столько богобоязненныхъ епископовъ, что мы, имѣя память ихъ означенною въ нашихъ мѣсяцесловахъ, и по сей день празднуемъ се. Но когда, полагаясь на эти благіе начатки свои, она стала высоко думать о себѣ и превозноситься предъ другими церквами; то, какъ отовсюду стало явно, исполнился надъ нею приговоръ апостольскій. Церкви же греческія, предостереженныя искушеніями (которыя также предсказалъ имъ апостолъ—съ тѣмъ однако ободреніемъ, что онѣ выдержатъ ихъ), а также еретическими замѣшательствами, были всегда осторожными и, стоя, берегли себя отъ паденія: и мы, не тревожась, уповаемъ, что онѣ, по милости Божіей, доселѣ сохранили истинную вѣру и, дастъ святой Богъ, сохранимъ до дня Христа Иисуса, согласно съ сказаніемъ апостольскимъ. Посему-то, дѣписатель, твое обвиненіе, будто греческіе патріархи не имѣютъ истиннаго ученія, не можетъ имѣть значенія для насъ. Можно было бы тутъ, по поводу такого упрека имъ показать, какъ римской церкви недостаетъ истиннаго ученія, какія разнообразныя находятся въ ней заблужденія; но, избѣгая растянутости, оставляю это, тѣмъ болѣе, что и этотъ отвѣтъ нашъ направленъ только противъ дѣписательскихъ обмановъ и не входитъ въ споръ касательно членовъ вѣры.

Что касается управленія, котораго, какъ пишетъ дѣписатель, греческіе патріархи не могутъ имѣть, то не знаю, откуда усматриваетъ онъ такую невозможность. Если изъ того, что они живутъ подъ властію тирана, то это житіе ихъ нисколько не препятствуетъ имъ чинить управленіе надъ христіанами, переносящими Христово иго добровольно, а не по принужденію. Такъ и первымъ христіанскимъ епископамъ, жившимъ подъ языческою властію, житіе это не было помѣхою къ управленію. Кажется, дѣписатель считаетъ управленіемъ то

изневоленіе Господнихъ овецъ и деспотическое повелѣваніе ими, какое замѣчается въ римской церкви; поэтому неудивительно, что онъ считаетъ такое управленіе невозможнымъ въ Греціи въ настоящее время. Но что истинное христіанское управленіе и доселѣ сохраняется въ Греціи, при надзорѣ и стараніи патріарховъ, это хорошо знаютъ тѣ, которые тамъ бывають. Этимъ же управленіемъ пользовались чрезъ шестьсотъ лѣтъ и церкви греческой вѣры, состоящія во владѣніяхъ короля, его милости, однако же имъ не тяготились. Ибо онѣ видѣли, что хотя патріархи и далеко живутъ отъ нихъ, но, при управленіи ихъ, онѣ ничего не теряють въ дѣлѣ ученія и защиты отъ еретиковъ, когда только управленію патріарховъ не дѣлается, какъ теперь, нарочныхъ помѣхъ. Свидѣтелемъ ихъ бдительности, дѣятельности и усилій въ защитѣ отъ еретиковъ служить то самое, что греческія патріархіи и церкви, по милости Божіей, и доселѣ чисты отъ всякой еретической скверны. А папѣ и папѣшеская попечительность патріарховъ, хотя далеко живущихъ, о насъ и управленіи надъ нами замѣчается изъ того, что и въ настоящее время, столь трудное и неблагоприятное для нихъ вѣдѣніи, они, услышавши объ отступничествѣ и преступленіи митрополита и владыкъ, не оставляють промышлять о насъ, учить насъ письмами, увѣщевать къ постоянству, утѣшать и давать защиту духовную противъ тѣхъ, которые хотять отъвертять насъ отъ ихъ послушанія и затѣмъ—отъ спасительнаго пути. Изъ этихъ писемъ нѣкоторые для примѣра приведу въ слѣдующей главѣ, чтобы по нимъ дѣеисатель могъ сколько нибудь судить, правда ли то, что онъ написалъ,—будто отъ патріарховъ мы не имѣемъ достаточно ни утѣшенія, ни ученія, ни заботливости о порядкѣ, ни защиты противъ еретиковъ.

А любовь патріарховъ въ спасенію людей, по словамъ дѣеисателя будто угасшая у нихъ въ отщепенствѣ, явно

свидѣтельствуется тѣмъ, что, для предохраненія христіанскихъ людей отъ заблужденія, они, сидя на патріаршихъ стражницахъ, съ опасностію для своего здоровья, словомъ правды отгоняютъ отъ вѣреннаго имъ стада волковъ, его окружающихъ, отгоняютъ смѣло и постоянно, не оглядываясь на нихъ. Пусть каждый судить, не справедливо ли такой подвигъ ихъ долженъ былъ поставленъ выше нынѣшней превратной любви къ спасенію людей, которая отличаетъ римскихъ прелатовъ и которая умножаетъ насилія, мучительства и различныя кровопролитія, чинимыя будто бы для искорененія заблужденій и разращенія правды, вопреки ученію собственнаго ихъ латинскаго учителя (Августина), который написалъ: «любите людей, поражайте заблужденія, заступайтесь за правду безъ жестокости». Миѣніе объ отщепенствѣ патріарховъ и церквей, находящихся въ Греціи, опровергнуто уже выше, гдѣ показано, что они имѣютъ съ нами принадлежать къ единой соборной церкви, которую мы исповѣдуемъ въ *Вѣру во единого Бога*. Если же отщепенствомъ дѣенисатель называетъ то, что мы не хотимъ относиться къ римскому папѣ и признавать его главою; то это, по милости Божіей, нисколько насъ не тревожитъ. Будучи привиты ко Христу, какъ вѣтви къ своей лозѣ, и стоя при Немъ крѣпко, мы не только не печалимся, напротивъ находимъ утѣшеніе въ томъ, когда насъ попрекаютъ отщепенствомъ тѣ, которые отщепились отъ Него. Если же вѣрнымъ знакомъ истиннаго отщепенства служить угасаніе любви, то легко судить, при комъ остается вина такого отщепенства. Святый Павелъ достаточно изобразилъ намъ свойство и плоды любви. Въ комъ ихъ больше, въ пастыряхъ и сынахъ церкви римской или греческой—пусть судятъ о томъ Богъ и люди богобоязненные; пусть эти люди распознаютъ, гдѣ болѣе видится та любовь—терпѣливая, сносящая досады и покрывающая недостатки ближняго. Пусть они наблюдаютъ, гдѣ болѣе имѣеть мѣсто она

любовь добродушная, негнѣвливая, нераздражающаяся, легко уживающаяся, человѣчная (людская), сострадательная, готовая на пріязнь, на совѣтъ, на согласіе съ ближними. Пусть они разсудятъ, гдѣ болѣе господствуетъ та любовь, которая никому не завидуетъ въ большихъ дарованіяхъ Божіихъ и всякомъ добрѣ и хранить себя отъ споровъ, колкихъ попрековъ и ссоръ. Пусть они сообразятъ, гдѣ лучше вмѣщается та любовь, которая ничего не дѣлаетъ превратно, не надмѣвается, не ищетъ себѣ почести и славы съ уничиженіемъ, осужденіемъ, безчестіемъ, преслѣдованіемъ ближнихъ, промышляетъ о благѣ церкви Божіей и членовъ ея, а не своихъ прибыткахъ, не даетъ себѣ раздражаться, не мыслить зла никому, не радуется неправдѣ и злобѣ, но сорадуется справедливости и истинѣ, все терпитъ, всему вѣритъ, всего надѣется. Все это я, какъ сказалъ, отдаю на судъ Бога Вседержителя и людей богобоязненныхъ, самъ же не хочу говорить о томъ, чтобы въ самой рѣчи объ этомъ не казаться поступившимъ противъ любви. Имѣемъ однако вѣрную надежду, что въ оный послѣдній день римскій костель не будетъ судить греческой церкви за нелюбовь, хотя теперь неразсудительный дѣеписатель и приписалъ се послѣдней. И пусть онъ съ братією своею не вмѣляетъ во зло того, что при такой надеждѣ, мы, не смотря на его укорины церкви греческой, не хотимъ отступать отъ этой матери своей, къ нѣдрамъ которой привыкли, и обращаться къ мачихѣ. Отъ востока, которому всѣ мы и молясь кланяемся, не хотимъ обращаться къ западу: ибо и при крещеніи мы, обращаясь на западъ, отрицаемся сатаны и всѣхъ дѣлъ его.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

ГЛАВА 6.

Заключающая въ себѣ нѣкоторое письмо всечестнѣйшаго и всесвятѣйшаго Кѹръ Мелетія, предъ симъ александрійскаго, а теперь уже и константинопольскаго патріарха, недавно писанное имъ къ людямъ древней греческой вѣры, живущимъ въ сихъ государствахъ, послѣ слуха объ отступничествѣ митрополита и владыкъ.

Мелетій, Божіею милостію, папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселенскій.

Всеславному и великолѣпному, благочестивому же и православному государю и владѣльцу острожскому, воеводѣ кievскому, всесвѣтлому князю Василю и прочимъ православнымъ и вельможнымъ князьямъ, милостивымъ панамъ, всей Малой Россіи; благовѣрнымъ же священникамъ и всѣмъ христіанлюбивымъ людямъ православнымъ, находящимся подъ ихъ властію, сынамъ о Господѣ возлюбленнымъ: благодать, любовь, миръ и побѣда на враговъ отъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.

Сіе-то, братіе, сказалъ Спаситель нашъ, предвозвѣщая невыносимыя тревоженія, имѣющія обнять весь свѣтъ во время мучительства антихристова; именно—Онъ сказалъ, что *звѣзды спадутъ съ неба*. Небо есть Христова церковь, возвышенная надъ всѣмъ земнымъ, церковь тѣхъ, которыхъ (по Аввакуму пророку) покрыла Спасителява слава, украшающая всю церковь всякими дарами и поставившая на этой небесной тверди нѣкоторыхъ на подобіе звѣздъ сіяющихъ и держащихъ слово жизни, какъ говорятъ апостолъ. Съ этого-то неба, какъ знаемъ, упали звѣзды и опять видимъ нѣкоторыхъ падающихъ, которые сіяли какъ звѣзды. Есть и нѣкая великая

звѣзда, измѣнившая свое имя и достоинство, которая, напередъ упавши, становится причиною паденія для другихъ падающихъ. И тѣмъ дѣйствительно причиняетъ она теперь паденіе другимъ, чѣмъ свѣтлѣ другихъ сіяла, освѣщая яркимъ блескомъ лица своихъ созвѣздій. Теперь, будучи сама свержена съ высоты на землю, хотя и думаетъ имѣть престолъ свой на облакахъ и быть подобной Вышнему (что самое и есть причиною премѣненія въ ней), есть однако вождемъ гибели. Одинъ признакъ злобы, не другой—и антихристова отступничества:—это паденіе звѣздъ съ неба, что, какъ видимъ, уже сбылось.

Слышали мы съ великою жалостію, что нѣкоторые изъ святительствующихъ у васъ, оставивъ (увы!) апостольское ученіе, въ которомъ крещены были и крестили другихъ, научены и научали, которое сами приняли и до этого времени преподавали другимъ, также презрѣвъ жизнь по Христѣ Спасителѣ, хотя тѣсную и прискорбную, но ведущую въ жизнь вѣчную, сами добровольно пошли на путь широкій и просторный. Вамъ, принявшимъ отъ Бога начатокъ и изволившимъ среди такой бури устоять безстрашно съ вѣрными вамъ людьми многочисленнаго православнаго народа, вамъ, вѣрные рабы Божіи, скажетъ, когда придетъ, Домовладыка: пріидите и увидите въ радость Господа вашего. Какихъ похвалъ вы не достойны? Какихъ вѣнцовъ? Какихъ даровъ? Вы насажденіе Святаго Духа, а не тростіе, колеблемое вѣтромъ. Вы даваніе и дѣланіе Христова, *утвержденное на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣющее краснотиннымъ камнемъ самую Иисуса Христа*, какъ говоритъ апостолъ (Еф. 11, 20). *Пбо никто не можетъ положить другую основанія, кроме положеннаго, каменъ, вызываетъ апостолы: и вы, благочестивые братія,—* домъ, построенный на этомъ истинномъ камнѣ. Поэтому ни

порывы сильныхъ вѣтровъ, ни поднимающіяся рѣки не могли разрушить вастъ. А отъ вастъ вышедшіе не были ваши: ибо если бы были ваши, то остались бы съ вами, скажу съ Іоанномъ Богословомъ (1 Іоан. II, 19). Но они вышли отъ вастъ, возлюбивъ, какъ тѣ, которыхъ описываетъ святое евангеліе, славу человѣческую болѣе, чѣмъ славу Божію, или, какъ говоритъ апостолъ, возлюбивъ пышнѣйшій вѣкъ и предпочтя настоящую плотскую роскошь болѣе будущей духовной славы. О пріобрѣтеніе, губящее душу! О жизнелюбіе, содѣлывающее смерти! О тѣлесное мудрованіе, противящееся Духу и замышляющее вражду на Бога! О люди, возжелавшіе жить по плоти и не могущіе угодить Богу! Но, благочестивый князь Василій, православные господа и боголюбивые священники съ христоименнымъ народомъ! Ваши—почести, вѣнцы, ваша, какъ говоритъ Господь, мзда многа на небеси! Ибо, облечшись истинною вѣрою и искреннею, спасительною любовію къ Богу, вы не допустили въ чемъ нибудь измѣнить отеческіе догматы и преданія. О дай, Христе Царю, чтобы вы не перемѣнились, не стыдясъ Христова убожества, но, нося на себѣ крестъ Его и страдая со Христомъ въ пышнѣйшемъ вѣкѣ, царствовали бы съ Нимъ въ вѣкѣ будущемъ, царствовали и со всеми тѣми, которые считаются послѣдними въ отношеніи къ мірскимъ почестямъ, но которые суть первыми по отношенію къ Божіей славі и свѣтлости (между тѣмъ какъ называющіеся нынѣ первыми, ради высокихъ святительскихъ степеней, будутъ послѣдними, какъ лишенные славы Божіей). Сего-то желаемъ вамъ, съ снѣмъ пріѣзжаемъ вастъ, какъ богоизбранныхъ поборниковъ и защитниковъ православной вѣры.

А этихъ отступниковъ, отступившихъ, какъ говоритъ боготецъ, отъ оправданій Божіихъ, я бы спросилъ: для чего и послѣ какихъ страданій вы, люди добрые, оставили Христову паству, разумѣю, восточную церковь, въ которой

восходить и почиваетъ солнце правды—Христосъ, просвѣтившій изъ нея весь свѣтъ? Для чего, оставивъ дворъ добраго пастыря, вскочили въ собраніе того, кто хочетъ одинъ пазываться папою? Ибо римскій епископъ, замысливъ для себя нѣкую тиранническую власть, отиранилъ и общее имя (папы), желая присвоить его себѣ одному. Онъ хочетъ одинъ пазываться папою ¹⁾ и одиѣ быть началомъ и главою церкви. Какія видѣли вы знаменія, какія чудеса, вслѣдствіе которыхъ вы удалились отъ св. отцевъ, апостоловъ и самаго Избавителя, и убѣждали къ папѣ? (Если бы даже и были такіа прелестныя знаменія, о какихъ истинный Христосъ предрекъ, что ими будутъ дѣйствовать лжехристы и лжепророки, чтобы совратить, если возможно, и избранныхъ,—и тогда отступникамъ лучше было бы слѣдовать преданному отцами ученію: но что же они видѣли?) Конечно, папа говоритъ вещи великія и усвоаетъ себѣ какое-то начальство и власть, чрезъ которую унижаетъ начальство и державу и самого Сына Божія: но это, какъ провидѣлъ Даниилъ, мужъ желаній, свойственно нѣкому звѣрю, у котораго уста были велеглаголющія и омерзительныя для христіанскаго слуха. Ибо кто изъ благочестиво живущихъ сколько нибудъ стерпѣлъ бы, чтобы нарушено было начальство Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа? Не самъ ли бы напротивъ рѣшился принять безчестіе и укоризну за это начальство Господа своего, которосъ Онъ, принявъ отъ Отца, подъялъ на рамена свои, пріобрѣтши его своею кровію? А выдавать себя главою вселенской церкви вмѣсто Христа,—не значить ли—нарушать начальство самого Христа? Или вотхого Рима папа, начавши издалека, хитро и мало по малу теать изъ себя вселенскую главу вселенской церкви, не вытѣалъ те-перь этого до конца? И если бы хотѣ называть себя главою

¹⁾ Такой упрѣкъ римскому папѣ наиболее естественъ въ устахъ александрійскаго патріарха, носившаго съ глубокой древности названіе папы.

и, какъ выражается онъ, началомъ самой только Римской церкви, то имѣлъ бы основаніе для этого; ибо каждая епархія должна имѣть своего начальника, о чемъ 34-е правило св. апостоловъ гласитъ такъ: «епископамъ каждаго народа надобно знать перваго между собою, имѣть его, какъ главу, и ничего не дѣлать безъ его совѣта». Это подтвердили отцы и на соборѣ въ Антиохіи 9-мъ правиломъ, съ тѣмъ чтобы оно было принято за первое правило (касательно управленія). Но вселенскую главу вселенской церкви правда евангельская знаетъ и исповѣдуетъ единую—единого Христа. О чемъ святой Павелъ научаетъ ефессянъ, говоря: *Того (Христа) поставилъ выше всего* главою церкви, которая есть тѣло Его (Еф. 1, 22—23). Ясно само по себѣ, что тѣло этой соборной церкви было бы дивомъ, имѣя главу и не имея *двоихъ—имѣя* двѣ головы! Потому имѣетъ оно Христа главою соборною, чтобы не казаться дивомъ безъ головы; имѣетъ такую соборною главою единого Христа, чтобы не быть дивомъ о двухъ головахъ.

Говорятъ они: «Спаситель сказалъ Петру: *ты наречеши-ся Кифа*». Такъ; но Кифа, какъ толкуетъ самъ написавшій это евангелистъ, означаетъ Петра, а не главу.

Говорятъ: «но Христосъ говоритъ Петру: *ты Петръ, и на семъ камнѣ Я создамъ церковь мою*». Что же разумѣется тутъ? Камень ли называлъ Онъ, говоря: ты Петръ? Не камень, какъ изъясняетъ бл. Августинъ: «ты, сказалъ, Петръ: отъ Камня, котораго ты исповѣдалъ, и самъ будешь называться Петромъ, какъ отъ вѣры вѣрный. А я на томъ Камнѣ, котораго ты исповѣдалъ, отъ котораго и самъ будешь называться Петромъ, создамъ церковь мою. *Камнемъ же бытъ Христосъ*, какъ говоритъ св. Павелъ (1 Кор. X, 4). Ибо не на Петрѣ, продолжаетъ Августинъ, но на Христѣ зиждется церковь: не на тебѣ Петрѣ, но на мнѣ Христѣ», говоритъ

онъ же. А Павелъ взываетъ: *никто не можетъ положить другаго основанія кроме положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ* (1 Кор. III, 11).

Говорятъ: «отцы, жившіе въ разныя времена, признавали римскаго епископа великимъ и прибѣгали къ нему въ бѣдствіяхъ». Зачѣмъ же ты мнѣ приводишь здѣсь выраженія братской любви и благорасположенія въ доказательство измышляемой тобою верховной власти? Братія прибѣгали къ братіямъ, обязаннымъ помогать имъ, по св. писанію. «Однако разными почтительными привѣтствіями прославляли его, какъ великаго»? Я скажу,—какъ и перваго: ибо блаж. Августинъ говоритъ и о Петрѣ, что онъ былъ первымъ въ ликѣ апостольскомъ. Никто не противится тому, что онъ былъ такимъ въ ликѣ апостольскомъ: ибо если онъ былъ здѣсь и первымъ, то все же—одного порядка (званія) съ прочими, былъ—одинъ изъ апостоловъ. Такъ и римскому папѣ, если даемъ первое мѣсто, то—какъ брату; ибо онъ не есть одинъ отцемъ всѣхъ прочихъ епископовъ и не можетъ быть вселенскимъ начальникомъ и учителемъ всей церкви, если бы мы даже и согласились назвать его апостоломъ (чего не допустили бы сами римскіе епископы). Но пусть римскій папа будетъ не римскимъ епископомъ, а апостоломъ и намѣстникомъ Петровымъ. Святый Петръ былъ апостоломъ однакожъ не одинъ, а вмѣстѣ съ другими. Ибо Спаситель сказалъ всѣмъ: *Я посылаю васъ какъ овцы среди волковъ* (Матѣ. X, 16), я опять: *какъ послалъ меня Отецъ, такъ и я посылаю васъ* (Іоан. XX, 21). Онъ не сказалъ одному Петру: *иди за Мною*, но всѣмъ сказалъ: *идите за Мною, и сѣдѣте со мною* (Матѣ. IV, 19). И мы (говорили Спасителю апостолы) *послѣдовали за Тобою; и вы, говорите Иисусъ, послѣдовавши за Мною въ назиarethъ и пр.* (Матѣ. XIX, 27—28) Петръ принялъ ключи вязать и рѣшать: но Спаситель всѣмъ сказалъ: *примите Духъ Святъ; иже отъ*

пустите грѣхи, отпустятся имъ, и имже держите, держатся (Іоан. XX, 22). «Но одному Петру троекратно говоритъ (Іоан. XXI, 16): *наси овцы мои?*» Троекратно и Пётръ отрсея отъ Христа, и троекратное отверженіе надлежало уврачевать троекратнымъ же вопросомъ, могущимъ возвратить ему утвержденіе въ апостольскомъ званіи, достоинствѣ и власти (ибо это—пастырская власть и благодать), дабы каждое изъ этихъ свойствъ было чрезъ вопрошеніе возвращено святому Петру, который чрезъ отреченіе явился отступникомъ отъ церкви. Наконецъ, почести и благочестивія прилѣтствія отъ отцевъ римскому епископу были знакомъ почтительности, какую братія наблюдали по заповѣди Спасителя, почитая себя послѣдними между другими и, по слову апостола, *честью другъ друга больше творяще*, тѣмъ болѣе, что и ветхій Римъ не вѣдалъ тогда злостной горести. Но такіа выраженія почтительности не были мнѣніемъ и приговоромъ, узаконяющимъ тиранію, видимо вставшую нынѣ на церковь Христову и измѣнившую то, что заповѣдалъ и самъ Спаситель. Ибо тогда для пользы церкви блаженные римскіе епископы и отцы, писавшіе къ этимъ блаженнымъ епископамъ, возвышали престоль этой церкви, превознося первенство и восхваляя святыхъ Петра и Павла, какъ защитниковъ этого единаго престола,—чтобы такими величаніями заградить уста противляющихся церкви. Потому-то и Павелъ въ посланіи къ галатамъ не могъ не восхвалять *мнимыхъ столповъ Іакова и Кифу и Іоанни* (гл. II). Теперь же во вредъ церкви и вопреки отеческимъ преданіямъ, которыя установилъ самъ Спаситель, эта власть стала чрезмѣрно притязательна. Не сѣтъ ли тиранство (пусть никто не гнѣзается на меня, говорящаго правду; ибо, по словамъ Соломона, однимъ только нечестивымъ свойственно ненавидѣть обличенія, благомыслящимъ же не свойственно убѣгать отъ обличеній, равно какъ и дѣлать достойное обличе-

нія), не есть ли, говорю, тиранство, когда, подкупивъ всю церковь вселенскому собору, стараются подъ этимъ видомъ правды предложить намъ верховную власть папы римскаго, которому именно подчиняютъ и самые вселенскіе соборы? Не есть ли это второе разореніе и плѣненіе церкви? Затѣмъ, кто могъ бы справедливейше сказать, какъ сказали святые отцы въ Карфагенѣ, которые, пиша къ римскому епископу, называли его священникомъ? *Четыре дѣла, говорятъ они римскимъ легатамъ, намъ съ вами имѣть должно наблюдать: первое о возвращенныхъ африканскихъ епископахъ* ¹⁾ *у теренъ римскія церкви и пр. Въ этомъ посланіи ниже приводится слѣдующее: «да хранится между нами, что, хотя бы мы объ этомъ и не говорили, надлежало быть однако хранимо по братской любви (тогда тиранія еще не господствовала): да и самъ по мудрости и правдѣ, которую Вышній даровалъ тебѣ, видишь, что должно быть сохраняемо, если бы даже иначе показывали каноны никейскаго собора».* На основаніи этихъ правилъ римскій епископъ и старался утвердить свою власть, которую теперь стараются утвердить и на божественномъ откровеніи. *Ибо мы (продолжаютъ упомянутые отцы) хотя и много имѣемъ книгъ, но нигдѣ не читали того въ правилахъ собора никейскаго въ римскихъ книгахъ. А знаете ли, кто—тѣ, которые портятъ книги, какъ и донынѣ поступаютъ съ богословскими книгами, которые признаются въ поврежденіи въ самомъ предисловіи книгъ, хотя и подъ благовиднымъ предлогомъ, т. е. подъ предлогомъ исправленія? Напримѣръ, въ венеціанскомъ изданіи напечатано: всѣ книги Августиновы исправлены исключая нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя могли ввести нѣкоторую ересь, или какъ нибудь вредить могли другимъ. Потому-то*

¹⁾ Т. е. дабы епископство, за сломъ выпшъ лишенныхъ достоинства, папа не возвращалъ въ прежнесъ ихъ достоинство, когда они будутъ прибѣгать къ нему въ Римѣ.

кареагенскіе отцы говорятъ: «мы нигдѣ не читали въ правилахъ никейскаго собора, по изложенію его въ римскихъ книгахъ, такъ, какъ въ ономъ спискѣ, который оттуда намъ прислали. Но какъ съ одной стороны мы въ греческихъ книгахъ не могли найти сего, то весьма желаемъ, дабы намъ присланы были такія книги отъ восточныхъ церквей (видите, вы, сомнѣвающіеся въ чистотѣ вѣры восточной церкви, видите, куда отзывается отцы для разъясненія дѣла и кѣмъ ограждаютъ себя, споря о чистотѣ вѣры восточной церкви? Тамъ, говорятъ они, могутъ еще найтись опредѣленія царскія, которыя и въ самомъ дѣлѣ отысканы, и посланы, и утверждены). Поэтому просимъ и твою пречестность, дабы благоволилъ самъ написать къ іеренямъ иныхъ странъ, т. е. къ антиохійской церкви, александрійской и константинопольской, ибо они суть патріаршія и проч. А потомъ, когда получили то, чего просили, послали въ Римъ къ Целестину съ симъ почтительнымъ привѣстіемъ: просимъ васъ не принимать тѣхъ, которые отсюда приближатъ къ вашему суду, и тѣхъ, которые нами отлучены отъ общенія, не принимать въ общеніе. Ибо ваша пречестность удобно можетъ найти, что сіе утверждено и въ никейскомъ соборѣ; ибо если тамъ означено хранить сіе въ разсужденіи клириковъ низшей степени и свѣтскихъ, то тѣмъ паче повелѣно хранить и въ разсужденіи епископовъ. И, что важнѣе всего, всякому, кто становится на судъ предъ (ближайшими) судьями, позволено отзывать къ соборному суду епископъ епархіи и даже къ вселенскому собору. Онъ-то, по уставу и правиламъ святыхъ отецъ, и есть наивысшій обладатель церковной власти,—хотя римскій папа всеческими уловками силится присвоить оную себѣ. Развѣ бы кто былъ (прибавляютъ отцы), который бы члѣвчился на судъ такой, члѣвъ бы Божь молъ вдохнуть правду (очевидно, какъ мѣтко касаются они здѣсь притязанія римскаго папы), а безчисленныхъ собранныхъ

іересвь лишитъ такого вдохновенія, какъ безстыдно и корыстно предъ тѣми отцами намекали поборники римскаго папы? Святые отцы далѣе продолжаютъ: о томъ чтобы посылать нѣ которыхъ какъ бы отъ (боку) твоей святости,—никакимъ соборомъ не подтверждено, и мы сего не читали. Ибо ничего такого мы не могли пайти въ тѣхъ книгахъ, кои давно чрезъ соепископа нашего Фавстина относительно никейскаго собора оттуда намъ прислашы, въ истиныхъ спискахъ никейскихъ, которые мы имѣемъ и отъ святѣйшаго Кирила александрійскаго соепископа нашего, и отъ достопочтеннаго Аттинеа, епископа константинопольскаго, посланые намъ отъ самыхъ царскихъ списковъ (эти книги еще прежде сего чрезъ Иннокентія пресвитера и Маркелла иподіакона, чрезъ которыхъ онѣ къ намъ присланы были, послали мы блаженной памяти Вонифатію, предшественнику вашему). Поэтому, кончая свою рѣчь, отцы карфагенскіе еще острѣе касаются римскаго епископа: не благоволите посылать и даже пускать сюда своихъ, насилующихъ соборныя правила, клириковъ, если бы даже нѣкоторые изъ насъ (т. е. подпавшіе суду) и просили того, чтобы не показалось, что мы омерзительную гордость мірскую вводимъ въ церковь Христову. Вникай въ силу словъ, какъ соборъ запрещаетъ папѣ, да еще и не вселенскій соборъ: *ни даже пускать...* говорить, *чтобы не казалось, что мы вводимъ омерзительную гордость въ церковь Христову*, которая желающимъ видѣть Бога приносить свѣтъ простоты и день смиренія. Мы изложили это пространно, употребивъ слова не свои, а тѣ, какими отвѣчали тогда отцы противъ въ ту пору лишь скрытно начинавшейся, а теперъ явно возвысившейся какой-то страшной власти римскаго епископа. Я сказалъ *страшной*; но сказалъ бы еще *страшной и богохульной*, потому что римскій папа, какъ я сказалъ, ниспровергаетъ самую власть Спасителя. Онъ старается унижить не только цер-

вовъ Христову и покорить себѣ другую братію, но и самого Бога и Господа всѣхъ, единого Владыку, разрушая Его державу. Хотя это можно бы доказать многими свидѣтельствами, однакожъ мы удовольствуемся однимъ слѣдующимъ. Не смотря на то, что Спаситель предалъ своей церкви, какъ очистительную для міра жертву, странная тайны святаго тѣла своего и честной крови своей подъ видомъ хлѣба и вина, римскій епископъ, вмѣсто евангельскаго хлѣба, вводитъ жидовскіе опрѣснокы; и вопреки апостолу Павлу римскій епископъ постановляетъ, вмѣсто *новой твари*, *древняя, яже мимоидоша* (какъ говоритъ апостолъ Павелъ), бывъ упразднены благодатию. Но умолчу о принятіи жидовскихъ опрѣснотовъ и объ ученіи Спасителя о Св. Духѣ, который (Спаситель), будучи источникомъ *христіанскаго* богословія, сказалъ: *Духъ отъ Отца исходитъ*,—ученіи искаженномъ папою древняго Рима, повредившимъ оное чрезъ страшное прибавленіе въ символъ, дабы однимъ ударомъ уязвить и Спасителя, Главу церкви, и церковь, тѣло Христово. Умолчу и о томъ, что онъ дерзновенно разсѣвъ таинство тѣла и крови Христовой, осмѣлился отнять у христіанъ, а именно—удѣтей цѣлос таинство, не допуская ихъ причащаться ни тѣла, ни крови Христовой, а у возрастныхъ половину таинства, дабы Христовы уды, Христову братію лишить или половили, или совершенно всего Христа. Какая дерзость! Какое святотатство! Христосъ отріпуть свою церковь! Отсѣчена глава отъ всего тѣла. И виновникъ этого вѣйшаго раздѣленія есть тотъ, кто хочетъ быть анти-христовъ, и вмѣсто Христа хочетъ быть главою церкви. О, ненасытное властолюбіе, которое неспровергасть или силится неспровергнуть церковь, равно какъ и самого Христа старается отвергнуть! По какому праву вы уничижаете ученіе Христово? Такъ заблагоразсудилось вамъ-памѣстникамъ Христовымъ? Заблагоразсудилось потому-то и потому-то?... Такъ всякій оби-

жающіи готовъ къ защитѣ. Пусть будутъ они намѣстниками, даже одни они намѣстниками Христовыми; но какъ же можно снести ихъ тицеславіе, возносящееся выше славы Сына Божія, котораго Отецъ повелѣваетъ намъ слушать? Ибо Онъ говоритъ (съ неба): *Того послушайте*. Кто же вы, мечтающіе о себѣ такъ много? Мы, говорите, тѣ, которымъ однимъ позволено учить, господствовать, а если заблагоразсудимъ, то и законы полагать отъ божескаго (не знаю каковаго) откровенія; а другимъ слѣдуетъ подклонять выю и прилагать послушное ухо, такъ что если бы мы вели хоть толпами души во адъ, никто не долженъ противиться. Это ли основаніе нашего закона?... О, велегрѣшныя уста, видѣнныя Давидомъ, и словеса на Вышняго глаголющія, помышляющія смирить святыхъ Вышняго, а также премѣнить времена и лѣта! Посему можно ли терпѣливо внимать этимъ людямъ, начинающимъ унижать не только однихъ святыхъ Вышняго, но и самаго Святаго святыхъ и Вышняго.

Итакъ, сказалъ бы я опять отступникамъ: чѣмъ видя, прилѣпились вы къ римскому папѣ, отдѣлясь отъ православныхъ? То ли, что онъ возмечталъ перемѣнить и времена? Ибо онъ не оставляетъ неповрежденнымъ ничего изъ отеческихъ преданій. Для того онъ вводитъ и новый мѣсяцесловъ, подъ названіемъ римскаго, чтобы ему безопасно было ниспровергать и перемѣнять времена Господскихъ праздниковъ, установленныя отцами. Такъ-то онъ скрылъ въ себѣ державу тиранства, что весь свѣтъ не доглядѣлся ея. Но еще спрошу: вы, увѣровавъ въ ученію римскаго папы, для чего оставили преданія отцевъ? Для новостей ли, ставшихъ обыкновенными у него? Но Павелъ взываетъ: кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы припали, *да будетъ анаѳема* (Гал. I, 9). Эту анаѳему, произнесенную святымъ вторымъ вселенскимъ соборомъ на дерзающихъ чинить какое либо прибавленіе или измѣненіе въ символѣ, и ко-

торая потомъ подтверждена была всѣми послѣ того бывшими святыми соборами, одинъ римскій папа отмѣнилъ и поправилъ. И какъ же будетъ почитать святыхъ одѣвъ тотъ, который такъ мало почитаетъ и самого Спасителя? И еще спрошу: что такое пашли вы въ православной восточной церкви, изъ-за чего обратились къ соединенію римскому, которое извратило вѣру и древнія преданія самой же римской церкви (прельстили васъ добрыя, а правильнѣе сказать золотыя надежды, данныя вамъ римскою церковію)? Неужели потому, что восточная церковь, какъ говорятъ, потеряла царство? О, прельщеніе! На это отвѣчаю, во-первыхъ, что это сталося не теперь и вчера; а во вторыхъ,—что православная вѣра обогащаетъ и царство, ибо и могущественный московскій царь—православенъ, и твое господство, свѣтлѣйшій князь Василій, а также многіе на востокъ и западѣ постоянно содержатъ православную вѣру. Въ-третьихъ, христіане не суть христіане для земнаго царства. Ибо и самъ Спаситель сказалъ: *царство мое несть отъ міра сего* (Іоан. XVIII). Чтожъ? Не объявило ли намъ святое евангеліе тоже самое, что царства мірскія, влекуція къ отступленію отъ вѣры, суть искушеніями дьявольскими? Спаситель, отвергая это искушеніе, не училъ ли насъ искренно поклоняться единому Богу и не взирать на земную славу и роскошь? Пусть восточная церковь уничтожена, бывъ лишена земнаго царства, но не папа ли—виновникъ и этого обстоятельства? Ибо, раздравъ церковь и раздѣливъ братію, онъ открылъ врагамъ легкій приступъ къ восточнымъ христіанамъ. Пусть такъ, что уничтожились дѣла нашей церкви, отвергнутой наружный миръ: но что же скажете вы (опять обращаю свое слово къ отступникамъ)? Неужели вы не видали, не слышали, неужели вамъ не было сказано, какъ жилъ Христосъ, Глава церкви? Отличался ли Онъ златотканными одеждами, великолѣпно выстроенными палатами, роскошными трапезами,

блистательными свитами дворянъ и другими житейскими прелестями? Или любовался Онъ предразсудками зсмнаго царства? Или Спаситель нашъ не былъ убогимъ, или странникомъ? Не претерпѣлъ ли Онъ гоненій, бѣдъ, поношсній, безчестія, тѣсноты, ранъ, смерти, клеветъ? Обѣщаль ли своимъ послѣдователямъ здѣшнее царство, или плотскія пресмыщенія, или житейское благополучіе? Почему же, напротивъ, не удивляетесь болѣе всего тому, что хотя царство пало на востокъ, однако-жъ правота благочестія, по милости Божіей, не только пребыла неизмѣнною, но еще свѣтлѣйшею, такъ что и безъ царства царствуетъ, и Спасова благодать совершается въ немощахъ нашихъ, и церковь Христова царствуетъ посреди безбожныхъ тирановъ, и цвѣтетъ какъ лилія между терніемъ? Не мудростію человѣческою она пріобрѣтаетъ крѣпость, не богатствомъ, не силою защищается, но единою рукою Божіею. Не есть ли это великое, чудное дѣло? Кто также не удивится, что папская тиранія надъ церковію Христовою, имѣя благосклонность у королей и князей, обольщающая другихъ блистательными надеждами, утопающая въ богатствѣ и устрашающая всѣхъ огнемъ и мечемъ, не смотря на все это, колеблется и бываетъ уже посмѣваема отъ своихъ послѣдователей? А церковь Христова, отъсюду угнѣтаемая, отъсюду преслѣдуемая тайными и явными кознями, при всемъ этомъ однако-жъ пребываетъ незыблемою, твердо содержитъ вѣру, которую приняла отъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцевъ? Итакъ обратитесь отъ заблужденія и будете спасены! Обратитесь отступившіе сыны, хотя и виновные въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ! И, думая избѣгнуть отъ обличеній, не повергайте себя въ такую пропасть! Лучше измыйтесь отъ всякой нечистоты и не теряйте сокровища вѣры. Лучше вамъ будетъ съ богоотцемъ Давидомъ *приметатися въ дому Божіемъ, нежели жити въ селеніихъ грѣшничихъ*. Да не поработаемъ страстямъ,

братіе! Великій Моусей лучше жсхалъ страдать съ избран-
ными Божіими, нежели имѣть временную сладость грѣха, и
поношеніе Христова почель большимъ для себя богатствомъ,
нежели египетскія сокровища. Ибо онъ взиралъ на воздаяніе.
Да и всѣ боголюбивые отцы проишли, какъ странники и при-
шельцы, *въ милотехъ и козїихъ кожяхъ, которыхъ не былъ*
достойнъ весь міръ. Спаситель, самъ проходя жестока муче-
нія и крестную смерть, показала намъ путь ко спасенію,
поучая, какъ намъ надлежитъ идти въ истинную жизнь.

Но быть можетъ, васъ завлекаетъ на пастбище римскаго
папы новое празднованіе (Пасхи), въ которомъ вы усмотрѣли
нѣчто лучшее для церкви, не стерпѣвъ, что наши новаго кваса
праздники празднуются далеко отъ служенія іудейской сѣни?
Но этого одного именно и достаточно было бы для по-
казанія преступности (папы): онъ возмущилъ церковь безъ
всякой доброй цѣли. Дѣла безразличнаго, каково бы оно ни
было, не слѣдовало измѣнять—съ великимъ смятеніемъ всей
церкви. И вѣншіе законодатели не считаютъ нужнымъ нару-
шать, безъ великой и оцутительной пользы, то, что чрезъ
долгое время утвердилось въ человѣческомъ обществѣ. А папа
старога Рима, возвышая себя надъ всѣми прочими и всѣхъ
презирая, говоритъ еще и противъ правила св. отецъ, чтобы
не казалось, что онъ безъ нужды разсѣлъ календарь. Онъ не
знаетъ, что правило св. отецъ хорошо утвердило, чтобы бо-
жественная Пасха праздновалась по весеннему равноденствію,
а не вмѣстѣ съ жидами, какъ гласитъ и 7-е правило св.
апостоль. А если это правило св. отецъ такъ хорошо утвер-
ждено и есть собственное правило ихъ; то многократно грѣ-
шатъ тѣ, которые хватаются за другіе календари. Если пра-
вило заповѣдуетъ намъ отдѣльное отъ жидовъ празднованіе,
то явно, что мы наиболѣе отдѣляемся отъ жидовскаго служе-
нія, когда набъ подаемъ весеннее равноденствіе. Очевидно также,

на кого падасть угроза запрещенія, которую утвердили отцы въ Антиохіи, всячески запрещаая праздновать Пасху иначе, чѣмъ какъ постановлено въ Никее. Ибо такъ гласитъ первое правило собора: всѣ которые осмѣлились бы преступить опредѣленіе святаго и великаго собора, бывшаго въ Никее, въ присутствіи благочестиваго и боголюбиваго царя Константина, касательно праздника св. Пасхи, да будутъ чужды общенія или даже отлучены отъ церкви Божіей, если бы упорно сопротивлялись тому, что разъ уже хорошо утверждено. Ибо по правилу тѣхъ святыхъ отцевъ, мы не празднуемъ Пасхи, на какое бы время она ни приходилась,—ни предъ весеннимъ равноденствіемъ, ни вмѣстѣ съ іудеями, какъ велитъ и 7-е правило св. апостоловъ; но всегда празднуемъ въ день истинный, какъ требуетъ церковное преданіе. Что скажемъ на все это, судя по-божески? Проглотимъ ли и эти прещенія и эти проклятія св. Павла касательно нововведеній (Гал. I, 8—9), также и запрещенія соборовъ касательно прибавленій въ символъ? И кто бы дерзающихъ на это освободилъ отъ заслуженнаго мученія? Не папа ли? Но одинъ онъ не можетъ уничтожить приговоровъ св. отцевъ, въ томъ числѣ самихъ римскихъ папъ и патріарховъ, ни оправдать виновныхъ предъ престоломъ Христовымъ.

Итакъ обратитесь отступные сыны, говорить Господь чрезъ пророка Исаію, призывая васъ къ себѣ. А вамъ, возлюбленные Богомъ господа, скажу, что если они обратятся, и кромѣ настоящаго отступничества не имѣютъ за собой никакого преступленія, могущаго лишить ихъ святительства; то пусть будутъ прощены, однако испросить напередъ это прощеніе, сознавъ свою вину въ томъ, что такъ легко дали обмануть себя, и обещать впредъ жить лучше: если они сдѣлаютъ это,—то да будетъ прощено имъ отъ вашей святой церкви и всего человеколюбиваго собранія вашего. А за это-

рыми будетъ такое преступленіе, за какое слѣдуетъ низлагать съ святительства, тѣ пусть и будутъ лишены его, согласно 9-му правилу 318 богопочинныхъ отецъ, иже въ Никее. Затѣмъ пусть съѣдутся православные епископы, въ числѣ не менѣе трехъ, согласно съ правилами божественныхъ отцевъ (1-го соб. прав. 3.; антiox. прав. 9), и, собравшись, съ соизволенія твоей всемогущности, Богомъ возлюбленный князь Василій, и съ согласія другихъ господъ, въ присушіи также моего духа (ибо я съ вами), — пусть сдѣлають такъ, какъ выше сказали мы, пусть хиротонисують епископовъ и православнаго митрополита. А отступники пусть дѣлають, что хотятъ, въ церкви Христовой. Вы же, Христовы наслѣдники и сопаслѣдники Божіи, люди избранные, царское священство Христа Спасителя, живите въ мирѣ, держа то, что держали и сначала, и идя отъ славы въ славу, утверждаясь Духомъ Утѣшителемъ, отъ Отца исходящимъ, какъ научилъ насъ едиnorodный Сынъ Божій и Слово. Ибо тѣ, которые имѣють Духа Святаго, суть сыны Божіи. Да сподобить Онь и насъ по времени видѣть васъ лицомъ въ лицу, чего мы и жаждемъ, насладиться вашею любовью, вселясь православіемъ вѣры!

Богъ же нашей надежды и утѣшенія да соблюдетъ васъ подъ кровомъ крыль своей божественной благодати, чтобы вы держали православное мудрованіе безъ нарушенія, и украшались лучами истинной нашей вѣры, и были достойны грядущаго царствія небеснаго. Да обрѣтемъ его все мы о Христѣ Исусѣ, Господѣ и Богѣ и Спасѣ нашемъ, смуже слава и держава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ аминь. Въ лѣто 1596, августа 1-го, въ Александріи.

Менстѣи, милостію Божіею, папа и патриархъ великаго города Александріи.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

ГЛАВА 7.

То большее почитаніе священства, какое дѣписатель указываетъ въ папствѣ, должно ли, по справедливости, отводить духовныхъ старожитной греческой вѣры отъ восточныхъ патріарховъ и вѣры ихъ и привести ихъ къ преданію себя въ послушаніе римскому папѣ?

Въ увѣщаніи къ русскому народу дѣписатель между прочимъ говоритъ: «изъ сего соединенія вы имѣете еще ту выгоду, что духовенство ваше, при католикахъ, будетъ болѣе почитаемо. Потому-то ваши свѣтскіе господа и гвѣваются теперь, а другіе и противятся этой униі, опасаясь, чтобы попы ихъ, которые у нихъ теперь тоже, что подданные и хлопы, не стали такими, какъ есендзы римскіе. Но не на что имъ гвѣваться. До тѣхъ поръ, пока вы были не послушны церкви Божіей и наивысшимъ преемникамъ святаго Петра,—вы, въ наказаніе, что не подчинились истинному начальству, управляемы были людьми свѣтскими. Теперь же Господь Богъ снимаетъ съ васъ это поношеніе, и вы у презнихъ своихъ пановъ найдете такую благосклонность и любовь, какими мы католики пользуемся у своихъ добрыхъ духовныхъ чадъ. Потому что Господь Богъ, послѣ того какъ вы сдѣлались покорными церкви Божіей, смягчитъ ихъ сердца, и они будутъ почитать васъ какъ служителей и священниковъ Божіихъ, хотя теперь они и нападаютъ такъ на васъ; но если будете добрыми и послушными сынами церкви Божіей, или благоговѣйно будете исполнять всѣ свои обязанности, если будете трезвы и учительны, то они отдадутъ вамъ свое сердце и, по слову апостола, примутъ васъ какъ ангеловъ Божіихъ, а еще бы было возможно, очи свои изобидше, дали бы вамъ. Бу-

демъ только благочестными и святыми священниками, безпорочными и безупречными, и Господь Богъ до того смягчить сердца нашихъ свѣтскихъ людей, что они готовы будутъ даже умереть за насъ. Съ другой стороны, какую обиду терпятъ у насъ въ церкви римской люди свѣтскіе отъ духовенства? Никакой:—скорѣе духовные отъ нихъ. И когда только мы добры и примѣрны (по жизни), то и имѣемъ у нихъ все, чего только захочемъ; они любятъ насъ, какъ посланниковъ Божіихъ и споспѣшниковъ своего спасенія, и, какъ добрыя дѣти, щедро даютъ своимъ духовнымъ отцамъ все нужное»

Эти слова дѣлписателя, которыми онъ обнадеживаетъ насъ, людей греческой вѣры, въ лучшемъ почетѣ нашего духовенства, основаны на внѣшнемъ состояніи римскихъ духовныхъ. Но описывая это состояніе римскихъ духовныхъ, особенно приходскихъ священниковъ, дѣлписатель умалчиваетъ о тѣхъ, болѣе видныхъ качествахъ римскихъ священниковъ, по которымъ другіе измѣряютъ и выставляютъ народу ихъ достоинство, превосходство и призваніе. Таково напр. то, что онъ, основываясь на своей измышленной трансубстанціаціи или пресуществленіи, написалъ,—что всякій римскій священникъ есть творецъ самаго Творца. Таково то, что, какъ говорятъ нѣкоторые, римскіе священники, какъ не имѣющіе женъ, могутъ быть особенно угодными Богу. Такъ думаютъ, основываясь именно на ученіи папы Сиріція, который апостольскія слова: *по плоти живущій Богу угодити не могутъ*,—прилагалъ къ тѣмъ, которые имѣютъ женъ, какъ будто апостолъ въ самомъ дѣлѣ подъ живущими по плоти разумѣлъ женатыхъ. Этихъ-то, говорю, и другихъ подобныхъ имъ достоинствъ дѣлписатель не упоминаетъ;—не знаетъ даже, въ какомъ ли забвѣнности.

Но что припоминаетъ? Припоминаетъ то, что свѣтскіе люди не управляютъ ими, что не имѣя отъ нихъ никакой

обида, они любятъ ихъ и благосклонны къ нимъ, почитаютъ ихъ, принимаютъ ихъ и щедро даютъ имъ все нужное, такъ что тѣ имѣютъ у нихъ все, что хотятъ. Затѣмъ даетъ надежду, что все это ожидаетъ и священниковъ вѣры греческой, которыхъ свѣтскіе люди теперь считаютъ подданными своими, если они соединятся съ римскою церковію. Въ отвѣтъ или въ разъясненіе этого, посмотримъ напередъ, все ли то правда, что онъ говоритъ о положеніи римскихъ духовныхъ. Потомъ посмотримъ, что если бы даже и правда была это, слѣдуетъ ли однако нашимъ пресвитерамъ желать себѣ всего этого. Въ третьихъ, примѣтимъ, вѣрно ли то, будто, соединясь съ римскою церковію, наши духовные могутъ достигнуть такого же положенія, въ какомъ находятся римскіе. Наконецъ, если бы даже вѣрны были тѣ обнадеживанья, какія дѣлаетъ дѣеписатель, посмотримъ, годится ли ради указанныхъ выгодъ отступать отъ вѣры греческой нашимъ духовнымъ или и намъ.

Что касается перваго предмета,—то есть, что въ папствѣ свѣтскіе не управляютъ духовными,—то это можно признать, да съ тою еще прибавкой, что тамъ духовные, вопреки своему призванію, всѣми мѣрами вторгаются во всякіе ряды свѣтскіе. А что касается того, будто свѣтскіе тамъ не имѣютъ никакой обиды отъ духовныхъ, а потому искренно ихъ любятъ, почитаютъ, принимаютъ, роскошно всѣмъ надѣляютъ,—тому, по моему мнѣнію, надо вѣрить развѣ изъ вѣжливости: ибо если бы рассказъ эта была вѣрная и безъ прикрасы, то были-ль бы такіе и такъ частыя нареканія, жалобы, ропоты свѣтскихъ на духовныхъ и духовныхъ на свѣтскихъ, какія мы слышимъ на сеймахъ? Если есть тамъ такое согласіе и любовь между духовными и свѣтскими, какъ это говоритъ дѣеписатель; то отчего же такъ часты въ хроникахъ упоминанія о розни между этими двумя сословіями? Для чего и по сей день такъ часто говорятъ объ уравниніи ихъ? Если свѣтскіе не имѣютъ никакой

обиды отъ духовныхъ; почему же однако первые признають себя разныя обиды отъ послѣднихъ? Почему они такъ сѣтуютъ на то, что духовные подостававши отъ предковъ ихъ разными способами, а подъ часъ и насиліемъ, имѣнія и одержавъ ихъ наданья, обращаютъ доходы съ этихъ имѣній не на то, на что обѣщались, то есть, не на выкупъ плѣнныхъ, не на приданое бѣднымъ дѣвицамъ, не на призрѣніе убогихъ, не на исправленіе храмовъ, богадѣленъ, но больше на излишества, роскошь, помпы, сходки для праздної болтовни, на разныя охоты и на другія пустыя траты? Почему свѣтскіе сѣтуютъ на то, что духовные обыкновенно оказываются равнодушными и неблагодарными къ упадающимъ и требующимъ подпоры потомкамъ тѣхъ фамилій, отъ которыхъ они нѣкогда выбрали имѣнія? Почему свѣтскіе сѣтуютъ, что духовные, не довольствуясь наданьями весьма большихъ имѣній и множества селъ (которыя числомъ далеко превышаютъ королевскія и шляхетскія), насильно стираются и въ десятины? Эти десятины, по мнѣнію Соколовскаго, не могутъ приравниваться къ наданьямъ: онѣ, какъ пишетъ Меховита, только на одинъ разъ вытянуты были Яномъ кардиналомъ Малобранскою, легатомъ Климента III въ 1189 году, какъ бы для возвращенія св. земли. Теперь же духовные ваши вымогаютъ ихъ отъ особъ свѣтскихъ съ помощію декретовъ трибунальныхъ (исполненіе которыхъ запрещено закономъ, особенно конституціею 1581 г.,—впредь до уравненія правъ духовенства и свѣтскихъ людей), даже насильно, нисколько не обращая вниманія на бѣдность убогихъ людей, издыхающихъ подъ часъ отъ голода, но еще болѣе и почти намѣренно разоряя ихъ позднимъ обозначеніемъ этихъ десятинъ, отъ чего хлѣбъ на полѣ гніетъ? ¹⁾ Почему свѣт-

¹⁾ Хозяинъ не могъ убирать хлѣбъ съ поля прежде, чѣмъ ксендзъ при челать выдѣлать изъ него себѣ десятину.

скіе сѣтуютъ, что духовные, владѣя имѣніями и скарбами церковными, которые право называетъ имуществами Рѣчи Посполитой, не только всегда дорожатся, т. е. не даютъ ихъ хоть бы то на самую крайнюю нужду государства, но весьма скупы и неопатливы къ выдѣленію хотя бы то частички доходовъ своихъ на добро Рѣчи Посполитой? Почему свѣтскіе сѣтуютъ, что духовные, поступая такимъ образомъ и плавая въ достаткахъ съ обидою для свѣтскихъ, не перестаютъ однако вопить къ королю: хлѣбъ нашъ пасущій даждь намъ днесь? Почему свѣтскіе сѣтуютъ, что вопреки праву, которое, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому, запретило давать на духовенство имѣнія, ибо чрезъ это пропадаетъ служба военная, — духовные и по сей депъ добываютъ отъ свѣтскихъ разными способами много имѣній и присваиваютъ ихъ своему сословию? Почему свѣтскіе, особенно глубже выпкающіе въ дѣло, люди сѣтуютъ, что духовные нарочно бросаютъ между ними кости, обыкновенно ссорять однихъ съ другими, — и это для того, чтобы самими не только лежать и сидѣть покойно, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше брать верхъ и силу надъ свѣтскимъ сословіемъ, обезсиленнымъ внутренними ссорами? Почему свѣтскіе сѣтуютъ на то, что духовные такъ далеко простираютъ свои участки въ ихъ имѣніяхъ, что плебаны становятся уже содѣйчиками съ ними въ имѣніяхъ, и затѣмъ, новымъ уже способомъ, вторгаются въ сдѣлки пограничныя, дѣлежныя и другія? Почему свѣтскіе сѣтуютъ, что духовные, вопреки явному, нѣсколько разъ повторенному въ статутѣ и конституціяхъ, закону, выдаютъ изъ королевства аннаты, которыя, по конституціямъ 1563 и 1569 годовъ, должны оставаться въ коронѣ на защиту Рѣчи Посполитой? Почему свѣтскіе сѣтуютъ, что духовные, хотя какъ будто и соизволяютъ на то, чтобы подвергаться суду свѣтскихъ здѣсь въ коронѣ какъ въ дѣлахъ уголовныхъ, могущихъ повлечь лише-

ніе чести и жизни, такъ и въ другихъ обыкновенныхъ дѣлахъ, — но сами при этомъ нарочно, чрезъ своего депутата, затрудняютъ достиженіе правосудія, требуя по какому-то новому способу, чтобы, вопреки четыремъ земскимъ артикуламъ, касающимся преступныхъ дѣлъ, никто не смѣлъ выѣшиваться ни въ какіе суды надъ ними, и ни за что не хотять соизволить на другой по отношенію къ нимъ образъ дѣйствій въ коронѣ, хотя послы отъ разныхъ восводствъ умоляютъ ихъ объ этомъ? Вслѣдствіе этого, когда духовные причиняютъ свѣтскимъ разныя насилія, разбой, надругательства, то начатыя за это противъ нихъ дѣла они переносятъ въ Римъ. Почему такъ много повсюду и другихъ, подобныхъ этимъ, жалобъ и нареканій людей свѣтскихъ на духовныхъ, — нареканій, на дальѣйшемъ исчисленіи которыхъ не хочу останавливаться, оставляя оныя на разсужденіе тѣмъ, которые вмѣстѣ съ ними живутъ въ коронѣ и лучше насъ знаютъ, что тамъ дѣлается? Изъ того, о чемъ мы упомянули, всякій можетъ судить, правда ли то, что сказалъ дѣеписатель, что свѣтскіе не имѣютъ обиды отъ римскихъ духовныхъ. Отсюда же легко усмотрѣть, каковъ этотъ почетъ, эти подачки, эта любовь свѣтскихъ къ духовнымъ въ римской церкви, такъ имъ восхваляемой. Ихъ почитаютъ, уважаютъ: но почему? Потому что изневоленные и обѣдѣншіе (свѣтскіе люди) и не могутъ дѣлать иначе: впрочемъ, еслибы было можно, они съ радостію отrekliсь бы оказывать такой почетъ, соединенный съ собственнымъ униженіемъ. Ихъ любятъ, но какъ? Наружно. А для чего? Для того чтобы въ своемъ тяжеломъ положеніи и затруднительныхъ обстоятельствахъ найти у нихъ какую либо льготу или сдѣлаться участниками въ какой либо доль хлѣба ихъ (духовныхъ). Даютъ имъ; но насколько добровольно? Это извѣстно одному Богу! Почему даютъ? Потому что вынуждены къ этому. Но еслибы теперь

пришлось опять давать, то, мнѣ кажется, нынѣшніе свѣтскіе люди, зная ихъ неблагодарность, неговорчивость и неуважительные противъ себя поступки, были бы не столько щедры, какъ ихъ предки. Да и теперь, когда можно, они лучше желаютъ получить что-либо отъ ксендзовъ польскихъ, нежели давать имъ, держась обыкновенно извѣстной пословицы: кто у ксендза ваялъ,—какъ волка обобрали. Итакъ, какъ я уже сказалъ, развѣ только изъ вѣжливости слѣдуетъ вѣрить тому, что говорить дѣписатель о положеніи римскихъ духовныхъ.

Но пусть это будетъ и справедливо,—справедливо настолько какъ и то, что въ римской церкви, какъ онъ говоритъ, свѣтскіе духовными не управляютъ. Слѣдуетъ ли однако добиваться такого положенія нашимъ греческой вѣры духовнымъ? Правда, они законно могутъ желать себѣ своего собственнаго управленія въ дѣлахъ духовныхъ, касающихся вѣры и спасенія, принадлежащаго имъ по божественному праву. Но желая этого, ужели нужно имъ предать себя римской церкви? Ужели и у насъ они не пользуются этимъ управленіемъ? Ужели они не находятъ послушанія себѣ у насъ свѣтскихъ—въ тѣхъ вещахъ, которыя они намъ приказываютъ на основаніи свящ. писанія и правилъ святыхъ отецъ? Подлинно находятъ, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ такую любовь у насъ, что мы готовы умереть за нихъ. При этомъ они пользуются такимъ у насъ уваженіемъ, какое кому изъ нихъ принадлежитъ по его мѣсту и образованію и поступкамъ. Да и въ римской церкви, хоть гордость плебановъ ¹⁾ поднялась очень высоко, однакожь еще не всѣ духовные стали тамъ милостивыми панами. Равнымъ образомъ и плебаны, хотя и пнѣтся вверхъ, однако садятся не очень высоко, особенно не шляхтичи. Правда, въ Польшѣ нѣкогда едвали не бывало, что цыгане садились выше знатныхъ шляхтичей, а плебаны выше своихъ господъ; но какъ

¹⁾ Приходскихъ священниковъ.

цыгане изгнаны изъ короны, такъ и въ отношеніи плебановъ старый обычай отмѣненъ. Впрочемъ, хотя бы наши священники и добились состоянія римскихъ плебановъ, не вдругъ бы привилось къ нимъ милостивое панство: потому что, какъ богобоязненные, они безъ сомнѣнія и тогда были бы довольны тѣмъ состояніемъ, въ которомъ теперь находятся, и тою властію надъ свѣтскими, какую имѣютъ надъ ними въ духовныхъ дѣлахъ, какъ довольны этимъ и теперь. Власти же, какую присвояютъ себѣ римскіе духовные, по которой они вмѣшиваются во все свѣтскія дѣла, а также освобождаютъ себя отъ послушанія и отвѣтственности предъ свѣтскою властію,—такой власти наши духовные греческой вѣры, по доброй совѣсти, не могутъ желать и, какъ разсудительные, не желаютъ. Ибо они знаютъ предѣлы своего признанія; знаютъ, что имъ поручены только совершеніе Божіихъ таинствъ, преподаваніе истиннаго ученія, служеніе святынею овцамъ Господнимъ, наблюденіе церковнаго порядка и другія симъ подобныя и приличныя истиннымъ пастырямъ дѣла, которыми и слѣдуетъ заниматься: и кто хочетъ выполнять ихъ какъ должно и вполне удовлетворительно, тому и не нужно и не прилично вмѣшиваться въ свѣтскія забавы. Къ тому же извѣстно имъ, что свобода и достоинство и званіе духовное не суть неограниченны. Съ ними они не свободны отъ заповѣди апостола Петра, который въ своемъ соборномъ посланіи, написанномъ ко всемъ вообще, повелѣваетъ оказывать подданство начальству (1 Петр. II, 13); а согласно съ нимъ и апостолъ Павелъ поручилъ Титу всехъ увѣщевать, дабы были покорны начальству и властямъ свѣтскимъ (Тит. III, 1), ниша же въ римлянамъ повелѣваетъ отдавать кому дань—дань, кому честь—честь. А чтобы кто не отговаривался отъ этого, употребляетъ сіи слова, относящіяся ко всемъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется* (Римл. XIII, 1).

Толкуя эти слова, нашъ греческій Златоустъ написалъ: «дабы показать, что это заповѣдано всѣмъ, и священникамъ и монахамъ, а не однимъ только свѣтскимъ,—тотчасъ объявилъ въ самомъ началѣ, говоря: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется,—хоть ты апостолъ, хоть евангелистъ, хоть пророкъ, или кто нибудь другой; ибо это повиновеніе не препятствуетъ благочестію». Уважая все это и взирая на примѣръ Христа Спасителя, Его апостоловъ и первенствующей церкви, наши духовные послушны высшимъ, начальствующимъ, предержащимъ и свѣтскимъ господамъ и не считаютъ этого за обиду себѣ или насиліе. Отдаютъ имъ честь, и—особенно наши пресвитеры, отдаютъ и подать, гдѣ есть такой обычай. Римскія же власти, которыя, криво толкуя свящ. писаніе, отнѣиваются отъ всякаго свѣтскаго суда,—пусть судить Богъ, съ какою совѣстію они это дѣлаютъ. А что все это дѣлается ими въ противность обыкновенію, бывшему у властей церковныхъ въ первенствующей церкви,—все это я легко могу доказать дѣписателю, когда онъ того потребуетъ. Итакъ, духовные греческой нашей вѣры не вполнѣ могутъ желать себѣ положенія римскихъ духовныхъ!

Что касается третьяго, т. е. вѣрно ли то, что наши духовные вслѣдъ за соединеніемъ съ римскою церковію будутъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ римскіе, то, по моему мнѣнію, это дѣло еще не вѣрное. Къ этому мнѣнію приводитъ меня болѣе всего опытъ,—опытъ и чужой и собственный. Чужой;—потому что есть въ Римѣ нѣкоторые греки, соединившіеся съ римскою церковію, которые однакожь по прежнему, будучи въ презрѣніи и утѣшеніи, сидятъ на сметищѣ. Собственный,—потому что хотя митрополитъ и оные милые владыки, устраивая соединеніе, и старались о сравненіи своемъ съ римскими духовными, однакожь ничего основательнаго не получили, а одни только безплодныя слова и обнадешиванія.

Они захотѣли мѣста въ сенатѣ, на сеймѣ и на трибуналахъ между депутатами; присягли бы, что уже Бога ухватили за ноги и на гору высокую имѣли взлетѣть, когда нарушили присягу константинопольскому патріарху. Зачѣмъ они лучше не взяли во вниманіе того, что причисленіе къ сенату и трибуналамъ въ Польшѣ не зависитъ отъ одной головы? Но оставляя римскихъ духовныхъ, изъ которыхъ каждый прилежно бережетъ свое мѣсто, можетъ ли статься, чтобы каштелянъ краковскій, который имѣетъ шестнадцатое мѣсто и голосъ—сейчасъ послѣ римскихъ духовныхъ, уступилъ оное митрополиту и владыкамъ? А что сказано о каштелянѣ краковскомъ, тоже можно сказать и о другихъ свѣтскихъ сенаторахъ. Итакъ, если бы даже воспослѣдовало согласіе на умноженіе сената,—ихъ милостямъ довелось бы, конечно, сидѣть ниже тѣхъ каштеляновъ, которые передъ симъ изъ тайнаго совѣта выходили—сидѣть гдѣ нибудь у дверей или за печкой. Сочли ли бы они это за повышеніе себѣ?—Не знаю. Но и это повышеніе вѣроятно ли? А хотя бы и могло оно статься, какую радость могли бы найти въ этомъ эти отступники? Могли ли бы имъ принадлежать такіа мѣста, которыя по праву принадлежать не кривоприсяжцамъ, каковы они, людямъ добросовѣстнымъ и не заподозрѣнной добродѣтели? Кажется мнѣ, что они должны бы отказаться отъ своего притязанія, и тѣмъ болѣе, какъ знаю навѣрно, откажутся теперь. Такъ-то всегда людямъ пустымъ показываютъ пѣтушка на костелѣ! Напрасно же наши духовные надѣются уравниенія своего положенія съ положеніемъ римскихъ духовныхъ чрезъ соединеніе съ римскою церковію! Напрасно будутъ вѣрить и давать себя въ обманъ дѣписателю! Римскіе прелаты, мутящіе свѣтъ тицеславнымъ притязаніемъ господствовать и желаніемъ первенства, не потерпятъ того, чтобы равнять съ собою другихъ и допускать чужихъ къ участию въ своемъ блескѣ. Пусть никто не даетъ обманывать

себя такими баснями. Не говорю того, что еслибъ эта надгнившая брестская унія осталась на своемъ мѣстѣ (отъ чего Господь Богъ, какъ мы надѣемся, по милости своей, сохранить), то тотъ, кто держалъ бы владычество нашей греческой вѣры, не имѣлъ бы мѣста въ сенатѣ; онъ имѣлъ бы его, но уже не какъ владыка, а какъ бискупъ, захватившій и соединившій то и другое, т. е. и владычество и бискупство, состоящія въ одной и той же странѣ,—и это въ томъ хитромъ и прикрытомъ расчетѣ, о которомъ сказано въ первой части отвѣта, въ главѣ третьей. Но чтобы владыка, какъ владыка не римской, а греческой вѣры, могъ имѣть мѣсто въ сенатѣ,—это такое дѣло, котораго въ Польшѣ никогда нельзя дожидаться. Тотъ самый сатана, который, искушая Христа, поставилъ Его на высокой горѣ и, показавши Ему оттуда царства міра, говорилъ: *сія вся дамъ тебѣ, аще надъ поклонишися мнѣ*,—обманулъ нашихъ владыкъ. Желаніе этихъ-то царствъ прельстило ихъ такъ, что они просмотрѣли, что этотъ козелъ есть лжецъ изначала и привыкъ заманивать къ себѣ людей, показывая имъ игрушку, а заманивъ—обыкновенно прятаться съ нею.

Но (приступая уже къ четвертому и послѣднему въ этой главѣ вопросу) скажу еще: хотъ бы то была и правда, что дѣеписатель общаетъ, хотъ бы по соединеніи съ римскою церковію наши духовные несомнѣнно могли надѣяться положенія и возвышенія равнаго съ римскими духовными, хотъ бы сатана не пряталъ назадъ показанной для ихъ обмана игрушки: ужели однако слѣдовало бы имъ изъ-за этого отступить отъ согласнаго съ священнымъ писаніемъ, общаго съ благословенными учителями, съ святыми отцами, съ богоугодными мучениками древняго благочестія и отъ истинной вѣры? Разумно ли

было бы оставлять ради земнаго небесное, ради тѣлеснаго духовное, ради временнаго вѣчное, ради гибельнаго спасительное дѣло? Сходно ли продавать вѣчную радость и неимѣющую конца славу небесную и всѣ блага, *ихже око не видѣтъ, и ухо не слышитъ, и на сердце человеку не взыдоша*, уготованныя пребывающимъ въ древней истинѣ, за крупныя сладости временной славы и гордости міра сего? Другихъ не отвращалъ отъ правды никакой страхъ гоненія и смерти, ибо они осматривались на то, чтобы, если они отрекутся отъ своего Господа, не отрекся и Онъ ихъ въ тотъ послѣдній день. А мы дадимъ себя отвлечь отъ этой истины блестящимъ стеклышкомъ мелкой гордости мірской! Иные богобоязненные люди добровольно презрѣли возвышеніе и почести, какъ препятствующія возвышенію къ небесному, помня оное слово Господне: *всякъ возносяйся смирится*; а мы будемъ домогаться ихъ съ утратою и поврежденіемъ своей души! И чтобы намъ помогло, если бы мы даже пріобрѣли весь міръ, но ради этого погубили свои души?

Да благоволятъ Господь Богъ своею благодатію сохранить насъ отъ этого адскаго безумія и соблудности при познанной однажды истинѣ и древней нашей вѣрѣ, о чемъ и непрестанно молимъ Его и не сомнѣваемся, что молитвы наши будутъ услышаны. Итакъ, дѣписатель, ступай съ своими совѣтами индѣ куда нибудь, а не къ намъ возлюбившимъ смиреніе. И индѣ гдѣ нибудь разставляй и распространяй эту діавольскую сѣть, содѣланную для уловленія людей. Кого нибудь другаго крѣпчай этой *прямкою*, а мы, съ помощію *Божіею*, не погонимся за нею.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

ГЛАВА 8.

Правда ли то, что говоритъ дѣписатель, будто папа съ своими пособниками, приводя подъ свою власть людей греческой вѣры, не ищетъ въ этомъ никакой своей пользы, а только духовной радости, согласія, любви христіанской и устрашенія еретиковъ и турокъ?

Въ своемъ увѣщаніи къ русскому народу дѣписатель употребляетъ и такія слова: «и намъ католикамъ—что прибавить изъ вашего соединенія? Ничего, ничего, кромѣ духовной радости и ангельскаго веселія, которымъ мы радуемся съ ангелами объ овцахъ обрѣтенныхъ. Какой мы ищемъ отъ васъ корысти, какихъ мірскихъ выгодъ желаемъ? Никакихъ! Намъ ничего не прибудетъ, кромѣ веселія о вѣчной славѣ Божіей, веселія о томъ, что христіане примиряются, что братья, дѣти одного Отца небеснаго, любятъ другъ друга, что будетъ страхъ еретикамъ и туркамъ, старающимся о раздорѣ между христіанами. Вы знаете нашу искреннюю и не ищущую никакой прибыли себѣ любовь къ вамъ: вы знаете, что мы стараемся объ одномъ вашемъ спасеніи и ничего мірскаго себѣ не ищемъ и отъ васъ не надѣемся».

Если бы все это было справедливо, то было бы чему повѣрить. Если же къ правдѣ тутъ примѣшалось что нибудь другое,—пусть онъ не выѣмлетъ во зло, если мы не повѣримъ этому правоученію его. Быть можетъ, что между римскими католиками есть такіе, которые, будучи наносны ученіемъ своихъ пастырей, что никто не можетъ быть спасенъ вне сообщества съ римскою церковію, изъ доброжелательства къ намъ и нашему спасенію рады видѣть наше соединеніе съ римскою церковію, не ища въ этомъ своей частной пользы. Но чтобы

дѣписатель и ему подобныя, а болѣе всего, чтобъ папа римскій, стараясь о нашемъ соединеніи, не искали въ немъ своей пользы и прибыли,—этому мы вовсе не вѣримъ. Не знаю, можетъ ли случиться, чтобы старыя привычки могли пзмѣниться. Пословица-то слѣдующая весьма давняя: *дворъ римскій не проситъ овецъ, или не интересуется овецю безъ шерсти*. А что это справедливо,—показываетъ самое дѣло. Ибо гдѣ только можно что содрать, туда и лнуть римскія власти, туда протискаются, тамъ всѣми мѣрами стараются распространить свои участки и, распространяя ихъ, обыкновенно тотчасъ и прежде всего обезпечиваютъ свои доходы. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ христіанскія королевства, подчинившіяся власти папы, съ которыхъ каждый годъ и весьма большія пошлины и доходы собираютъ для Рима, какъ объ этомъ упомянуто выше, въ третьей главѣ четвертой части. Что при завлеченіи къ нему людей греческой вѣры, живущихъ здѣсь въ сѣверныхъ странахъ, они искали болѣе всего этихъ же пошлинъ и доходовъ,—объ этомъ свидѣлствуетъ поступокъ папы Юлія III съ московскимъ княземъ. Этотъ Юлій папа, когда у него царь Иванъ Васильевичъ домогался царевой короны, въ 1551 году, при королѣ Сигизмундѣ Августѣ, приглашаемый императоромъ Карломъ въ соединенію съ римскою церковію, предлагая ему условія, при которыхъ бы согласился исполнить его желаніе, написалъ главнѣйшими слѣдующія три: 1) «Великій князь Иванъ, который наивысшимъ епископомъ имѣеть быть нареченъ королемъ, долженъ будетъ прежде всего отправить къ его святѣйшеству своихъ пословъ для принесенія присяги въ вѣрности и послушанія наивысшему епископу и святой римской церкви, и въ первый, а потомъ и во всякій пятый годъ давать благословенному Петру даръ королевской вѣрности и послушанія. Тоже самое долженъ дѣлать всякій, кто будетъ московскимъ коро-

лемъ въ первый годъ своего царствованія, а потомъ, какъ выше сказано, въ каждый пятый годъ. Король имѣеть быть коронованъ отъ первѣйшаго въ государствѣ митрополита именемъ римскаго папы и отдасть въ руки помянутому митрополиту присягу въ вѣрности и послушаніи святой римской церкви, а когда получить корону, пусть пошлетъ своихъ пословъ въ Римъ, какъ сказано выше. 2) Всякій разъ, какъ только случится, что престолъ римской церкви станетъ празднымъ и когда на оный вступитъ другой наивысшій епископъ,—пусть король московскій, по обычаю другихъ христіанскихъ государей, пошлетъ своихъ пословъ къ наивысшему епископу съ своимъ королевскимъ даромъ и съ присягою въ послушаніи и вѣрности. 3) Первѣйшій въ королевствѣ московскомъ архіепископъ да избирается по принятому до сего обычаю съ тѣмъ однако-жъ, чтобъ непременно былъ утвержденъ верховнымъ римскимъ епископомъ, отъ котораго долженъ получить и мантию и проч.» Что эти три статьи договора были поданы московскому государю предъ всѣми,—это хорошо знаютъ тѣ, которые знакомы съ дѣлами коронной канцеляріи. Онѣ (статьи) присланы были изъ Рима къ королю Августу отъ Адама Конарскаго, а этотъ досталъ ихъ отъ кардинала Маттея, вице-протектора, при которомъ въ то время находился какъ королевскій посланникъ. Пусть по этимъ статьямъ всякій разумный судить, не ищутъ ли римскіе папы въ соединеніи людей съ римскою церковію прежде всего своихъ прибытковъ. Но что имъ сказать? Имѣютъ за собой и писаніе: какой воинъ служить когда либо на своемъ содержаніи? Кто насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ? Кто пастырь стада, не ѣстъ молока отъ стада (1 Кор. IX, 7)? А Гуго, нѣкій кардиналъ римскій, написалъ (на посл. къ галат.): «это справедливый и на примѣръ апостольскомъ основанный обычай, что епископы и архіепископы обѣщаются видѣть папу, подобно Павлу, ходивше-

му въ Іерусалимъ видѣль Петра». А къ этому обычаю справедливо приложена слѣдующая заповѣдь изъ Второзаконія: никто не долженъ являться предъ лице Господа съ пустыми руками (XVI, 16, 22). Но папы, ихъ милости, поступая по наукѣ своего римлянина Цицерона, обращаютъ свои труды туда, гдѣ надѣются славы и прибыли. Впрочемъ, оставивъ папъ въ покоѣ и присматриваясь къ поступкамъ другихъ духовныхъ прелатовъ римскихъ, мы имѣемъ большое подозрѣніе на счетъ того намѣренія, съ которымъ они стараются о соединеніи нашемъ съ римскою церковію. Ибо чего другого они болѣе всего ищутъ въ пасеніи своихъ овецъ, какъ не своихъ выгодъ? Не основали-ль они благочестія, истиннаго католичества, даже спасенія душевнаго почти на одномъ законѣ даянія, идущаго въ ихъ руки? Не свидѣтельствуютъ ли о томъ ихъ проклятія (пока они (духовные) имѣли юрисдикцію и полную начальственную власть), произносимыя единственно за то, что кто нибудь не доставилъ имъ епископщины, десятины, отсыпнаго, мѣшковаго и проч.? Ни человекоубійства, ни блудодѣйства, ни прелюбодѣянія, ни клятвопреступленія, ни грабительства, и, говоря кратко, никакіе грѣхи и преступленія ни одной изъ ихъ овецъ не препятствовали оставаться въ церковномъ общеніи. Кто только не медлилъ въ отдачѣ слѣдуемыхъ имъ податей, тотъ, по мнѣнію ихъ, былъ добрымъ христіаниномъ, добрымъ католикомъ, благочестивымъ человекомъ. Удержалъ ли кто десятину,—таковой тотчасъ становился или безбожникомъ, или проклятымъ, или преданнымъ сатанѣ.

Взирая на это (что трудно оспаривать), какъ, дѣеписатель, мы можемъ повѣрить тебѣ, когда говоришь, будто въ соединеніи насъ съ римскою церковію вы не ищете своей прибыли? Трудно измѣнить застарѣлую привычку, которая стоитъ природы. Итакъ мы опасаемся, что вы не о томъ за-

ботитесь, чтобы вывести насъ на лучшія пажити, а о томъ, чтобы остричь съ насъ волну, а можетъ быть и кожу содрать, словами внушенными вамъ лакомствомъ, устраивая изъ насъ для себя доходную статью. Мы опасаемся, чтобы вмѣсто того промышленія о нашемъ духовномъ спасеніи, съ которымъ теперь показывааетесь, не стали вы болѣе промышленять о другомъ чемъ-то, то есть, о томъ, какъ бы липить насъ всѣхъ церковныхъ земель, данныхъ духовенству греческой вѣры, хитро присвоивъ ихъ себѣ посредствомъ этого соединенія: какія великія имѣются вѣроятности на это,—не много объяснено выше, въ третьей главѣ первой части. Мы боимся, чтобы вмѣсто утѣшенія духовнаго, о которомъ проповѣдуетъ дѣписатель, вы не искали утѣхи тѣлесной, то есть, чтобы вы не стали верховодить надъ нами свѣтскими людьми греческой вѣры, не стали насъ правомъ ¹⁾ беспокоить, удручать, нищать и убожить, вытѣснивъ, подъ видомъ соединенія, нашихъ священниковъ, и вкравшись на ихъ мѣста, расположившись въ нашихъ имѣніяхъ. Мы опасаемся, чтобы, вмѣсто той любви между братьями и дѣтьми одного небеснаго Отца, о которой ты говоришь такъ искусно, вы не старались о томъ, какъ бы насъ, подъ покровомъ согласія, обидѣть, обмануть, притѣснить и осмѣять. Мы боимся, чтобы, судя по началу (униі), вмѣсто соединенія, вы не произвели разрыва и мятежа, соединеннаго съ гибелью или, по крайней мѣрѣ, съ смятеніемъ для Рѣчи Посполитой. Мы опасаемся наконецъ, чтобы вмѣсто того устрашенія турковъ и еретиковъ, о которомъ ты упоминаешь, какъ о единственной цѣли нашего соединенія, вы не искали устрашенія насъ самихъ и гордаго господствованія надъ намию совѣстію. Опасаемся всего этого тѣмъ болѣе,

¹⁾ Здѣсь слово *правомъ* подходитъ къ значенію—судя, причисленію. *Правомъ* тамъ тогда, какъ и теперь у поляковъ, означаетъ вести тяжбу, судебное дѣло.

когда видимъ, что это соединеніе нисколько не можетъ приводить къ большому противъ прежняго устрашенію турковъ; такъ какъ несоединеніе никогда не препятствовало объявленію войны этому тирану, когда бывало на то согласіе всей Рѣчи Посполитой, равнымъ образомъ какъ и отъ соединенія, если бы оно состоялось, нисколько бы не прибавилось новой силы и удобствъ къ объявленію войны (если бы на это не воспо-слѣдовало всеобщаго согласія). Мы всегда одинаковы: одинаково сильными, одинаково любящими славу Божію и одинаково тирану турецкому недоброжелательными были, есмь и будемъ мы—люди народа русскаго и литовскаго! Какъ ничего не отнимало у насъ въ этомъ отношеніи общеніе наше съ греческими церквами, такъ напротивъ и соединеніе съ церковію римскою ничего намъ не прибавить. То сущее вранье, который дѣеписатель хотѣлъ замылить намъ глаза, относится не до насъ, которые издревле мирно живемъ подъ властію короля, его милости, будучи членами единой нераздѣльной Рѣчи Посполитой, но только до тѣхъ, которыхъ силы доселѣ съ короною польскою не соединены. Дѣеписатель лучше бы сдѣлалъ, если бы поразмыслилъ, что написалъ одинъ изъ его католиковъ въ писаніи, недавно пущенномъ въ свѣтъ: «за производствомъ этого дѣла соединенія надобно опасаться, чтобы турчинъ, услышавъ, что русскіе греки начинаютъ соглашаться и брататься съ святѣйшимъ отцемъ, и вслѣдствіе этого опасаясь, чтобы находящіеся подъ его властію, по ихъ примѣру, изъ-подтишка не соединились прежде всего съ святѣйшимъ отцемъ, а потомъ и съ австрійскимъ домомъ,—тѣмъ скорѣе и жесточе не напасть какъ на насъ, такъ и на живущихъ въ его владѣніяхъ христіанъ; а это могло бы вести тѣхъ христіанъ отъ бѣды къ бѣдѣ и наконецъ чрезъ отчаяніе довести до отступленія отъ вѣры христіанской; а это въ свою очередь могло бы надломить и ослабить утаен-

ныя тамъ силы христіанства»! Объ этомъ-то, говорю, лучше бы подумалъ дѣеписатель, что написалъ его же братъ, католикъ: это было бы лучше того, чѣмъ онъ мылитъ намъ глаза, будто т. е. къ сему соединенію побуждаетъ насъ устрашеніе турковъ. Можно бы здѣсь сейчасъ вспомнить, какъ изъ этого устрашенія надъ дѣеписателемъ насмѣхаются еретики; но такъ какъ это слышно на весь свѣтъ, то я замолчу. Затѣмъ, окончивая эту главу, молю Господа Бога, да благоволитъ Онъ сохранить насъ, чтобы мы никогда не приходили на совѣтъ тѣхъ духовныхъ, которые ведутъ насъ къ униі, будто бы не ища въ этомъ своихъ выгодъ.

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ ОТВѢТА

ГЛАВА 9.

Могутъ ли люди древней греческой вѣры, какъ убѣждаетъ дѣеписатель, быть благодарны за то, что ихъ приводятъ къ соединенію съ римскою церковію тѣми мѣрами, какія теперь употребляются?

Дѣеписатель заключаетъ свое увѣщаніе къ русскому народу такими словами: «благодарите набожнаго, исполненнаго великихъ добродѣтелей и любви къ Богу короля своего, святыхъ епископовъ и другихъ, что васъ такъ усердно приводятъ къ онѣмъ вѣчнымъ благамъ; и не будьте не благодарны и грубы, подобно тѣмъ, которые не знаютъ своихъ благодѣтелей или не хотятъ брать отъ нихъ столь дорогихъ и спасительныхъ сокровищъ». Если-бъ эти слова дѣеписатель обращалъ къ намъ отъ своего имени, то лучше было бы замолчать на нихъ, особенно потому, что въ нихъ онъ намекаетъ о его королевской милости, милостивомъ государѣ нашемъ. Но такъ какъ есть много такихъ, которые вмѣстѣ съ дѣеписателемъ, если не словами, то по крайней мѣрѣ мыслию

*

требуютъ отъ насъ того, чтобы мы были благодарны за то, что насъ подчиняютъ римскому папѣ (такое подчиненіе онъ называетъ споспѣшествованіемъ къ вѣчнымъ благамъ), и когда мы негодуемъ на это, то, не зная хорошо дѣла, вмѣняють намъ это во зло; поэтому въ настоящей главѣ нельзя не отозваться на эти слова, и не объяснить всѣмъ желающимъ знать, почему это подчиненіе не можетъ быть для насъ пріятнымъ, а напротивъ должно быть для насъ весьма мерзостнымъ. При этомъ ограничимъ свою рѣчь такъ, что здѣсь не будемъ ничего говорить о самомъ дѣлѣ (то есть о томъ, зависитъ ли отъ послушанія римскому папѣ вѣчное благо или нѣтъ); тѣмъ болѣе, что на счетъ его всякій можетъ справиться въ прошедшихъ главахъ нашего отвѣта: будемъ рассматривать только тѣ средства и способы, какими по сіе время насъ приводили и приводятъ къ этому послушанію. Таковы ли они, что ихъ можно принимать съ благодарностію скорѣе, чѣмъ съ негодованіемъ? Такъ какъ для этого необходимо знать эти средства и способы, которыми насъ приводятъ къ этому послушанію, то мы вкратцѣ и припомнимъ ихъ. Такъ какъ при этомъ припоминаніи придется вспомнить и о нѣкоторыхъ универсалахъ королевскихъ, по вызову самаго дѣписателя, то прежде всего другаго въ этомъ припоминаніи мы объявляемъ слѣдующее. Во-первыхъ, насъ приводить въ негодованіе не что иное, какъ насиліе предкамъ, и насиліе почти уже невыносимое, и притомъ желаніе стереть правду, которую наши недоброхоты желали бы схоронить, не только заглушая насъ въ нашихъ жалобахъ на удручающія насъ бѣдствія, но еще вводя на насъ вину, будто мы жалуемся безъ причины. Во-вторыхъ, мы объясняемъ, что причиною изданія тѣхъ универсаловъ, о которыхъ будетъ упомянуто, были отчасти тѣ, которые невѣрными рассказами и сильными домогательствами побуждали издавать ихъ, отчасти же, и болѣе всего, тѣ, которымъ

подъ присягою повелѣно смотрѣть, чтобъ никакія грамоты противныя закону, писанныя и запечатанныя въ канцеляріи, не были представляемы къ подписи короля, его милости, и не были выдаваемы изъ канцеляріи, и которые однако-жъ дерзаютъ выдавать универсалы противныя закону и королевской присягѣ. Затѣмъ сейчасъ объявляемъ, что какъ привыкли мы принимать все съ благодарностію отъ его королевской милости, милостиваго нашего государя, зная его доброту и думая, что онъ ничего не благоволитъ дѣлать съ худымъ умысломъ, но всегда съ добрымъ, такъ и по изданіи тѣхъ универсаловъ не измѣняемъ нашего мнѣнія о его королевской милости, будучи увѣрены, что король, его милость, получивъ отъ насъ свѣдѣніе о томъ, что эти универсалы не сходны съ присягою его королевской милости, выразить неодобреніе тѣмъ, которые представили ему эти универсалы для подписи, и впредь строжайше запретить дѣлать это. Сдѣлавъ напередъ это краткое объясненіе, приступаемъ къ самому дѣлу.

Здѣсь прежде всего слѣдовало бы, кажется, упомянуть о достоинствахъ, свойствахъ, поступкахъ и добродѣтеляхъ люцкаго владыки, который можетъ быть названъ первѣйшимъ посредникомъ, творцомъ, дѣльцомъ, плотникомъ и создателемъ этой надтлѣвшей уніи, а также и притѣсненія, наступившаго вслѣдъ за нею. Упоминуть о немъ было бы полезно потому, чтобы люди, зная, что какая бываетъ причина и какой дѣятель, таково же бываетъ и дѣло, тѣмъ легче могли разсудить—можетъ ли быть имъ по вкусу эта унія и что объ ней слѣдуетъ думать. Но такъ какъ объ этомъ упоминать было бы и продолжительно и притомъ сюда привзошло бы много такихъ дѣлъ, о которыхъ и слушать скверно, то я и не хочу мерзить читателю подобнымъ предметомъ. Впрочемъ тотъ край, въ которомъ я жилъ и живу, можетъ рассказать всякому любопытствующему о его безпутствахъ, неприличныхъ не только

духовной, но и свѣтской христіанской особѣ. Мы надѣялись, что поѣздка въ Римъ произведетъ въ немъ переимѣну* къ лучшему; но, вмѣсто исправленія жизни, онъ привезъ съ собою оттуда вмѣстѣ съ гнилою унією безстыдныя книги, наполненныя весьма соблазнительными рисунками, разсматриваніемъ которыхъ онъ насыщаетъ свои безбожныя очи и разжигаетъ въ себѣ, чѣмъ дальше тѣмъ больше, северную похоть. Будучи еще недоволенъ тѣмъ, что самъ въ разсматриваніи ихъ полагаетъ утѣху своей роскоши, онъ не стыдится показывать оныя честнымъ женамъ: благопристойно ли это,—пусть всякій посудитъ. Трудно ему заператься въ этомъ, потому что есть такіе, которые, если только онъ пожелаетъ, скажутъ это ему прямо въ глаза. По этимъ маленькимъ дѣламъ можно судить и о большихъ, о которыхъ умалчиваю, какъ сказано выше избѣгая мерзости. Равнымъ образомъ не хочу говорить и о не очень похвальныхъ поступкахъ и образѣ жизни другихъ его товарищей, чтобы кто нибудь, особенно незнающій, не подумалъ, будто бы это дѣлается по злобѣ. Кто хочетъ знать, что вливается въ каждаго изъ нихъ, пусть спроситъ у ихъ прихожанъ, или по крайней мѣрѣ пусть учинитъ пробу надъ ними по тому пробному камню, который называется общею молвою: тогда онъ узнаетъ, могутъ ли святые дѣла совершаться такими лицами. На основаніи всего этого пусть онъ узнаетъ, справедливо ли мы поступаемъ, негодую на такіа средства честной уніи. Но оставляя въ сторонѣ другіе поступки и жизнь ихъ, спросимъ еще: справедливо ли мы негодую на то (объ этомъ говорено въ 1-й и во 2-й части этого отвѣта), что безъ собора, безъ всякаго совѣта и писколько намъ о томъ не сказавши, не только безъ позволенія, но и безъ нашего вѣдома, даже болѣе того—зная о нашемъ намѣреніи противномъ ихъ намѣренію, зная о протестаціяхъ, которыя мы учинили на основаніи темныхъ слуховъ, доходившихъ

до нашихъ ушей, они дерзнули отдать насъ въ послушаніе Риму, какъ будто по примѣру Іуды предателя, сказавшаго: *что дадите мнѣ и я вамъ предаю Его*, и съ явнымъ клятвопреступленіемъ поддали насъ новой верховной власти? Могутъ ли не огорчить насъ и не возбуждать въ насъ справедливаго негодованія то лицемеріе, та неискренность, плутовство, тѣ хитрости и обманы, къ какимъ они прибѣгали въ этомъ дѣлѣ (ибо въ то самое время, когда они наиболѣе затѣвали его, они на словахъ и въ письмахъ увѣряли насъ, что объ этомъ и не думаютъ, и даже увѣщевали насъ крѣпко стоять при древней вѣрѣ)? И какъ ни жалостно это, но все же было бы сноснѣе, если бы отсюда, какъ бы изъ нѣкакого источника, не возникли для насъ, людей греческой вѣры, разныя оскорбленія, утѣшенія и обиды, и если бы къ этому не присоединились еще дѣйствія, сильно отзывающіяся насиліемъ, принужденіемъ, изневоленіемъ. Чтобы всякій могъ видѣть, что мы жалуемся справедливо, я припомню здѣсь хоть нѣкоторые (ибо кто исчислить все ихъ) дѣйствія, наступившія сейчасъ по отъѣздѣ лудкаго и владимірскаго владыкъ въ Римъ. Ибо хотя нападки на богослуженіе людей древней греческой вѣры начали появляться тотчасъ еще послѣ изданія въ 1592 году грамоты нѣкоторымъ владыкамъ, которую мы выписали въ первой части отвѣта (въ какой грамотѣ они обезпечены въ томъ, что никакія жалобы, проклятія, объявленія, хотя бы они были сдѣланы противъ нихъ основательно и сообразно съ законами духовными и гражданскими, не причинять имъ утраты ихъ сановъ), однако сильнѣе и открытѣе обнаружались онѣ уже по отъѣздѣ упомянутыхъ владыкъ въ Римъ 1595 года. Въ это же время открылось явное преслѣдованіе нашего богослуженія; а началось оно по универсаламъ короля, его милости, и въ имѣніяхъ и городахъ королевскихъ: запечатали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церкви, забирали изъ нихъ церков-

ныя облаченія, силою выгоняли народъ изъ церкви въ праздничные дни, отправляемые по старому календарю, нападали на нашихъ пресвитеровъ и духовенство, запрещали нашимъ священникамъ съ святыми дарами ходить въ ризахъ чрезъ площадь, запрещали провожать мертвыхъ открыто чрезъ рынокъ по обычаю греческой вѣры, не допускали церковнаго звона по праздникамъ и отправленія обрядовъ нашего богослуженія, а тѣхъ, которые этимъ приказаніямъ и запрещеніямъ не хотѣли повиноваться, удрочали взятіемъ пени, заключеніемъ, побоями и другими способами. Въ этихъ же королевскихъ городахъ и въ то же самое время сдѣлано нападеніе на школы нашей греческой вѣры; выгоняли изъ нихъ дѣтей и нищихъ, и талчили въ свои школы, били ихъ, ссылали въ тюрьмы и глумились надъ ними разнымъ образомъ. Въ это же время въ нѣкоторыхъ королевскихъ городахъ люди греческой вѣры, вопреки давнимъ обычаямъ, были устранимы отъ должностей, отъ цѣховъ, отъ ремеслъ; ихъ стали притѣснять въ судахъ и въ разныхъ другихъ дѣлахъ. Противъ этого въ различныхъ мѣстахъ учинено много протестацій, которыя свидѣлствуютъ о томъ, что, когда, кому и гдѣ учинено. Избѣгая растянутости, я не хочу здѣсь приводить выписокъ изъ нихъ; но готовъ сообщить всякому желающему много примѣровъ подобныхъ притѣсненій, учиненныхъ въ королевскихъ городахъ и другихъ мѣстахъ. Начавъ такимъ образомъ дѣлать запрещенія и помѣхи въ богослуженіи мѣщанамъ, королевскимъ подданнымъ, въ городахъ короля, его милости, и Рѣчи Посполитой, приступили потомъ къ дальнѣйшему: стали притѣснять и людей состоянія шляхетскаго. Хотя примѣровъ этого много, однако-жъ, избѣгая длинноты, мы для примѣра приложимъ здѣсь случаи касавшіяся знатныхъ особъ. Владимірскій владыка, по пріѣздѣ уже изъ Рима, ворвался въ дворецъ госпожи Браславской, княжны Збаражской, у кото-

рой по давнему обычаю священникъ отправлялъ богослуженіе, выломалъ тамъ церковныя двери, церковныя утвари частію забралъ, частію поразбрасывалъ, однимъ словомъ учинилъ великое насиліе. Когда ея милость протестовала о томъ, — онъ сказалъ ей, что напрасно она протестуется, потому что здѣсь въ Польшѣ никакой судъ не будетъ въ состояніи судить его за это; а если пожелаетъ позвать его до папы, которому онъ уже отдался въ послушаніе, то ей предстоитъ не легкій проѣздъ, и онъ будетъ имѣть предъ нею то преимущество, что дороги туда ему не нужно спрашивать, потому что онъ уже извѣдалъ ее, и увѣренъ, что тамъ не скажутъ въ пользу ея милости. Но не довольствуясь возбраненіемъ и препятствіемъ къ отправленію древняго богослуженія, пустили въ ходъ проклятія, а вмѣстѣ съ ними притѣсненія и насилія духовнымъ нашей вѣры, не хотѣвшимъ слѣдовать за оторванцами. Почему одни изъ нихъ изгнаны, другіе схвачены, третьи биты, четвертые посажены въ тюрьму, или поражены другими тому подобными нестерпимыми насиліями, приѣзды которыхъ можемъ указать.

Для большей во всемъ этомъ свободы, отступники, желая избѣгнуть наказанія за свое отступничество и тѣмъ удобнѣе вогнать насъ въ ту сѣть, въ которую увязли сами, приняли мѣры, чтобы мы не могли получить распоряженій и совѣтовъ отъ восточныхъ патріарховъ, а для этого исходатайствовали себѣ изъ королевской канцеляріи грамоту къ украинскимъ (пограничнымъ) старостамъ слѣдующаго содержания:

«Сигизмундъ третій, Божіею милостію... Всѣмъ вообще и каждому особо, кому о томъ надлежитъ вѣдать, а именнно старостамъ нашимъ украинскимъ, намъ искренно и вѣрно любезнымъ, милость чинау королевскую. Искренняя ч. вѣрно любезные намъ! Видя, какъ много безопасность государства зависить отъ того, чтобы никто изъ чужеземцевъ, а особенно

изъ людей греческаго закона и изъ земель турецкихъ, не приходилъ въ наши государства, мы желаемъ отъ усердной вѣрности вашей, чтобы тѣ, которые имѣютъ подъ своею властію украинскіе земли, прилежно смотрѣли, дабы никто изъ особъ, посланныхъ съ письмами или съ посольствомъ какимъ побудь отъ греческихъ патріарховъ къ епископамъ греческой вѣры или къ иному кому, въ наше государство не былъ пропускаемъ, и строго повелѣваемъ такихъ людей задерживать, и ихъ письма, если бы таковыя у нихъ нашлись, къ намъ отославше, самихъ ихъ содержать подъ строгимъ надзоромъ до нашего распоряженія, и иначе не поступать ради нашей милости и по долгу своего званія. Дано въ Краковѣ 28 іюля 1595 года, царствованія нашего королевства польскаго осьмаго, шведскаго втораго о Сигизмундъ король. Пестроконскій».

Въ надеждѣ на эту пограничную стражу, отступники начали съ 1596 года распроостранять свою власть, и всѣми мѣрами утѣснять и угнетать тѣхъ, кои не хотѣли помогать имъ въ отступничествѣ отъ древней вѣры. Послѣ провалѣй, произнесенныхъ на таковыхъ, начали выправлять изъ королевской канцеляріи указы объ изгнаніи ихъ, и даже запрещать имъ строить церкви для отправленія древняго богослуженія, въ силу грамотъ короля, его милости, какія они получили по лживымъ представленіямъ своимъ. Вотъ слова одной изъ нихъ, отправленной въ Вильну: «Сигизмундъ III, Божією милостію король польскій, войту, бургомистрамъ, райцамъ и лавникамъ города нашего Вильны, намъ вѣрно любезнымъ, ласка наша королевская. Имѣемъ свѣдѣніе, что нѣкоторые изъ нашихъ подданныхъ, мѣщанъ виленскихъ, употребляя своеволие противъ нашей королевской власти и общаго права, производятъ бунты и смятенія между подданными нашими виленскими мѣщанами—троицкимъ братствомъ, разрушаютъ то начатое святое дѣло, которое должно было бы привести къ согласію

и соединенію въ вѣрѣ народа христіанскаго и, привлекая къ себѣ и другихъ нашихъ подданныхъ, бунтуютъ противъ Рѣчи Посполитой, умножаютъ несогласія и раздоры, и нисколько не обращая вниманія на наказанія и штрафы, постановленныя для таковыхъ въ общемъ правѣ, нарушаютъ общественное спокойствіе, огражденное закономъ. Сверхъ всего этого, и еще къ большому возмущенію общественного спокойствія, купивши мѣсто въ нашемъ виленскомъ городѣ, хотятъ вѣроятно выстроить церковь, не столько для отправленія въ оной божественнаго славословія, сколько для умноженія ереси и увеличенія бунтовъ въ Рѣчи Посполитой. Предупреждая такое своеволие и всякій бунтъ, желаемъ и повелѣваемъ: чтобы вы, въ соотвѣтствіе и по долгу своего званія, слѣдили за таковыми бунтами, которые бы имѣли начинаться и распространяться между нашими подданными, и тѣхъ вышеупомянутыхъ подданныхъ, какъ нарушителей и возмутителей общественного спокойствія, и другихъ, которые потомъ могли бы появиться, наказывали сообразно съ ихъ проступками и посполитымъ правомъ, а также не допускали и рѣшительно возбрали строить оную церковь, иначе никакъ не дѣлая ради милости нашей. Поелюку и привилегіи предковъ нашихъ и наши государскія ясно говорятъ, что никому и нигдѣ не позволено строить церквей въ нашемъ государствѣ безъ вѣдома и разрѣшенія государева. Писано въ Варшавѣ, мѣсяца отъ Рождества Божія 1596 года, августа 29 дня.

Сигизмундъ король.

Матѳеѣй Война писарь.

Пусть каждый судить, согласна ли такая грамота (не говорю уже съ присягою на конфедерацію и съ пактами (условіями принятія короны), съ грамотою на латинскомъ языкѣ короля Стефана, о которой было сказано въ четвертой главѣ первой части, съ привилегією, данною въ Варшавѣ нынѣшнимъ его милостію королемъ церковному виленскому братству 9-го октября

1592 года, въ которой ограждена свобода въ строеніи церквей. Особено пусть вникнуть въ это тѣ, которые были причиною изданія изъ королевской канцеляріи такой граматы. Въ то время, когда эта грамата выдана изъ канцеляріи, объявленъ былъ соборъ въ Брестѣ. Мы радовались этому и надѣялись, что послѣ него будутъ пріостановлены все притѣсненія или оскорбленія. Но вотъ, когда соборъ приближился, въ это самое время владыки начали всего болѣе показывать свою гордыню и утѣснять людей древней греческой вѣры. Для доказательства этого прилагаю окружное посланіе владыки владимірскаго слѣдующаго содержанія:

«Ипатій милостію Божією прототроній, епископъ владимірскій и брестскій.

Всѣмъ вообще и каждому особо православнымъ христіанамъ, людямъ греческой церкви, духовнымъ сынамъ нашего смиренія. Неоднократно видя, по нашей пастырской обязанности, великое нерадѣніе и лѣность къ славѣ Божіей и небреженіе о церквахъ Божіихъ братства, мы увѣщевали оное, какъ словесно такъ и письменно, дабы по обычаю собирались въ церковь Божію на пѣніе и молитвы и такимъ образомъ исполняли свой христіанскій долгъ. Но какъ они не хотятъ слушать нашего отеческаго увѣщанія, презираютъ церковь Божію и наше отеческое увѣщаніе, а нѣкоторые, какъ бы въ поношеніе своей вѣрѣ и дому Божію, тайно еретическимъ образомъ устраниваютъ какія-то сборища въ своихъ домахъ, нѣкоторые же прибѣгаютъ на молитву въ еретическія божницы; то не могли болѣе терпѣть своевольства, дѣлаемъ всѣмъ это наше послѣднее увѣщаніе и именемъ Божіимъ повелѣваемъ: если бы послѣ сего нашего увѣщанія они впредь стояли въ своемъ упорствѣ, пренебрегали домомъ Божіимъ, не приходили въ оный въ праздничные дни на молитвы и пѣніе; то тебѣ протопопу и всѣмъ попомъ брестскимъ собор-

нымъ и приходскимъ повелѣваемъ подѣ клятвою и лишеніемъ священническаго чина, чтобы вы ни къ одному изъ этихъ отступниковъ не ходили въ домъ, не крестили дѣтей, не преподавали Христовыхъ таинъ, не отпѣвали погребенія надъ умершими и не отправляли у нихъ никакихъ духовныхъ требъ, не допускали погребать при церквахъ мертвыхъ тѣлъ и не велѣли звонить по умершимъ, вообще всѣхъ такихъ считали бы за еретиковъ и отлученныхъ отъ церкви Божіей до тѣхъ поръ, пока они не обратятся и не стануть по прежнему ходить въ церкви Божіи и исполнять христіанскія обязанности непременно. Данъ въ Брестѣ 1596 года, октября 3-го дня, собственною рукою».

Надоспѣлъ вслѣдъ затѣмъ и соборъ брестскій, но на немъ и послѣ него, вмѣсто ожидаемаго улучшенія, все пошло хуже: вмѣсто облегченія—большая тяжесть, вмѣсто радости—большая печаль наступила. Умалчиваемъ о томъ, какія безъ всякой вины терпѣли мы тамъ поруганія, укоризны, неуважительные намеки въ проповѣдяхъ и разговорахъ. Не вспоминаю о томъ, какъ прибывшій на соборъ грекъ Никифоръ, когда, по должности протосинкелла, употребилъ здѣсь свою власть, былъ арестованъ. То главнѣе всего, что безъ нашего позволенія, вопреки явной протестаціи отъ насъ духовныхъ и свѣтскихъ, митрополитъ съ пятью епископами въ церкви окруженный гайдуками, по истеченіи дня и срока, назначеннаго для собора, строилъ какую-то унію съ римскою церковію. Будучи недоволенъ этимъ и желая всѣхъ насъ привлечь къ этой уніи, исходатайствовалъ изъ королевской канцеляріи универсалы, которыми не только запрещено противиться этой уніи и постановленіямъ брестскаго собора, но и приказано принимать ее и подчиняться ей. При этомъ же повелѣно, чтобы львовскаго и перемышльскаго владыкъ, за то, что они не соизволили на это единеніе, считать не владыками, а про-

клятыми, и не имѣть съ ними сближенія и общенія. Не выпи-
сывая здѣсь, во избѣжаніе растянутости, этихъ универсаловъ
сполна, такъ какъ они довольно длинны, прилагаемъ только
заключеніе ихъ,—потому какъ они были разосланы по всему
княжеству литовскому: «А чтобы это дошло до всеобщаго
свѣдѣнія и было всеми исполняемо, приказываемъ вамъ вос-
водамъ, старостамъ, державцамъ, тіунамъ нашимъ, нашимъ
намѣстникамъ и урядникамъ, а также войтамъ, бурмистрамъ,
райцамъ и лавникамъ, чтобы вы сами ни въ чемъ не проти-
вились постановленіямъ брестскаго собора и наказывали бы
другихъ подданныхъ нашихъ, которые воспротивятся имъ; а
этотъ листъ нашъ приказали бы, списывая съ него копіи, при-
бивать въ церквахъ, на торговыхъ площадяхъ и приводить
это въ извѣстность всемъ. Ни подъ какимъ видомъ иначе не
поступайте! Писанъ въ Варшавѣ 1596 года, декабря 15». Тѣ,
которые выпускали изъ королевской канцеляріи эти уни-
версалы, предписывающіе урядникамъ наказывать противя-
щихся брестскому постановленію,—пусть теперь разсудятъ,
не противны ли они слѣдующему пункту королевской присяги:
«никакимъ способомъ или урядомъ нашимъ, или урядниковъ
нашихъ или другихъ чиновъ властію—никакою за вѣру не
обижу, и притѣснять не допущу, ни также самъ обижу, ни
притѣсню».

Послѣ брестскаго собора наступилъ недавно прошлый
сеймъ изъ весьма многихъ воеводствъ, а особенно изъ тѣхъ,
въ которыхъ находятся люди греческой вѣры. Дѣло наше по-
ручено посламъ, отправленнымъ на оный изъ повѣтовыхъ сей-
миковъ, и, что достойно замѣчанія, во многихъ инструкціяхъ
первымъ пунктомъ поручено, съ точнымъ изложеніемъ просьбы,
усильно стараться у короля, его милости, дабы его королев-
ская милость благоволилъ не только не поддерживать этой уніи,
смысленной чрезъ отторженіе, но и на мѣсто отступниковъ и на

бенефиции, держанныя ими, опредѣляя другихъ греческой вѣры властей духовныхъ. Послы прилежно просили объ этомъ, договаривались до этого, старались о томъ: какой же успѣхъ? Не нужно словъ,—дѣло говорить само за себя. Вотъ и по это время отступники не только сидятъ на бенефиціяхъ, не принадлежащихъ имъ по праву, но и распространяютъ надъ нами власть свою, и притомъ—не своими штуками и хитростями только (откуда возникаютъ и отравы), но силою и насиліемъ. И—что особенно достойно сожалѣнія—сюда явно примѣшиваются чиновники отъ имени короля, его милости, вмѣстѣ съ универсалами, вышедшими изъ канцеляріи. Въ слѣдствіе чего чѣмъ дальше, тѣмъ больше со всѣхъ сторонъ прибываетъ бѣдъ невиннымъ. Не вспоминаю здѣсь о горькихъ обидахъ, которыя мы, вопреки давнему обычаю, претерпѣваемъ отъ нѣкоторыхъ неразумныхъ людей римскаго исповѣданія,—обидахъ, соединенныхъ съ неучтивостію къ намъ и безчещеніемъ насъ. Эти безстыдники своими безпутными рассказами приводятъ въ отчаяніе наши честныя супружества. Дѣлая перемѣны въ церквахъ, они выбрасываютъ вырытыя изъ земли тѣла мертвыхъ людей греческой вѣры. Не допускаютъ людей древней греческой вѣры быть свидѣтелями, какъ недостойныхъ вѣры, и не даютъ имъ судебныхъ книгъ ¹⁾, которыя, по закону, никому не должны быть возбраняемы. Всячески безчестятъ нашихъ священниковъ, встрѣтивши ихъ на дорогахъ. Всѣ эти обиды, переносимыя нами отъ гонителей нашихъ римскаго исповѣданія, поражаютъ насъ не столько отъ нихъ самихъ, сколько отъ отступниковъ древней греческой вѣры. Кто не видитъ, что они были причиною понесенныхъ нами несчастій? Ибо пока это отступничество ихъ не внесло нынѣшней тревоги, мы, по милости Божіей, были свободны отъ этихъ несчастій и пребывали въ кое-

¹⁾ Т. е. не принимаютъ для записи въ эти книги ихъ жалобъ, противъ
стоя и под.

какомъ спокойствіи. Они стали причиною, что чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе умножаются заключенія, мучительства, наѣзды, гоненія и другія подобныя этимъ бѣды на тѣхъ, которые не хотятъ идти за ними и отступить отъ древней греческой вѣры. Примѣровъ на это много въ каждомъ уголку, гдѣ только живутъ люди греческой вѣры. Пламя это, начавшееся отъ другихъ, достигаетъ уже до старшихъ изъ нашего законнаго духовенства. Уже хотятъ отнять печерскій монастырь отъ кіевского архимандрита, который будто бы перестаетъ быть духовнымъ за то, что стоитъ при древней греческой вѣрѣ. Уже и у епископа львовскаго, за такую же твердость его, выдираютъ жидичинскій монастырь, который онъ дотолѣ спокойно держалъ по привилегіи короля, его милости, выдираютъ насильно, наѣздомъ съ штурмомъ и кровопролитіемъ. Уже дѣлается много другихъ, подобныхъ этимъ кровавымъ дѣламъ.

Такъ за это ли мы должны благодарить, дѣеписатель? Или нельзя намъ нарекать на это? И это-то называешь неблагодарностію, что мы негодуемъ за такія притѣсненія? Хотя бы мы ничего другаго не претерпѣвали, уже за одно то, что мы видимъ митрополита и епископовъ, отступниковъ отъ древней греческой вѣры, и по отступленіи владѣющими духовными имѣніями и выдающими себя за нашихъ пастырей,—за одно это не слѣдовало ли бы намъ негодовать? Это можетъ показаться кому нибудь милостями, однако же такихъ милостей, по милости Божіей, не терпятъ христіане, живущіе въ турецкой неволѣ. Ибо еще никогда тамъ не приневоливали ихъ принимать за своихъ духовныхъ старшихъ—людей не одной съ ними вѣры, хотя тамъ и нѣтъ закона, возбраняющаго уменьшать и угнетать достоинство греческой вѣры, хотя тамъ нѣтъ конфедерацій, которыя бы ограждали то, чтобы имѣнія, присвоенныя греческой вѣрѣ, даваемы были только людямъ этой вѣры. А намъ, имѣющимъ законы конфедерацій, привилегіи,

обычай и другія основанія свободы нашего богослуженія въ этой вольной Рѣчи Посполитой,—какъ, говорю, намъ не огорчаться, не нарекать на это, какъ намъ быть довольными этимъ? Если бы даже это не касалось и не оскорбляло насъ самихъ, еслибы мы видѣли такое противозаконное насиліе на лицахъ другой вѣры: ужели самое желаніе охранить отечественную вольность и посполитое право допустило бы насъ молчать о томъ? Что же—когда въ нашей вѣрѣ дѣлается то, что отступники не только пользуются не принадлежащимъ имъ хлѣбомъ, но насильно простираютъ на насъ и свою власть, когда по поводу этой власти намъ дѣлается насиліе въ нашей совѣсти, когда они (запрещая намъ свободно отправлять богослуженіе и строить церкви) ставятъ насъ хуже безбожныхъ жидовъ, когда изъ-за вѣры они нападаютъ на наши имѣнія, здоровье и честь, когда наконецъ, ища во всемъ этомъ помощи себѣ чрезъ просьбы и посольства, часто повторяемыя, мы не находимъ ея? Какъ же намъ не сѣтовать и не нарекать съ сердечною жалостію? Мы увѣрены, никто разсудительный не вмѣнитъ намъ этого во зло, да и дѣлатель перестанетъ называть насъ неблагодарными и грубыми, не смотря на то, что мы не только не принимаемъ съ охотою тѣхъ неспріятныхъ сокровищъ, которыя онъ называетъ спасительными, но и жалобно тоскуемъ, что намъ навязываютъ ихъ противъ нашей воли. Пускай самъ одумается,—молчалъ ли бы, благодарилъ ли бы онъ, если бы его постигало то, что постигаетъ насъ? Или бы онъ, чего не думаемъ, могъ перенести такую навязчивость съ молчаніемъ и благодарностію? Мы откровенно говоримъ, что не можемъ приобрѣсть такой терпѣливости, чтобы не стонать и не охать, когда болитъ. Довольно съ насъ той терпѣливости, что, будучи такъ оскорбляемы, не могли чрезъ такъ долгое время получить, не смотря на наши просьбы, никакого облегченія въ чинимыхъ намъ обидахъ, видя наконецъ, что

перенесеніемъ старыхъ обидъ возбуждаемъ новыя, мы однакоже не воздаемъ зломъ за зло и не прибѣгаемъ къ насилію противъ насилія. Ожидаемъ умилоствленія отъ Бога Вседержителя, моля Его, чтобы облегчилъ намъ этотъ крестъ, а между тѣмъ благоволилъ даровать намъ терпѣніе. Ожидаемъ умилоствленія его королевской милости, имѣя надежду, что онъ когда нибудь допуститъ до своихъ государскихъ ушей (которыя теперь закрыты для насъ нашими недоброжелателями) наши скорбныя жалобы и благоволилъ взять нашему законному требованію. Возлагаемъ надежду на усмотрительность всѣхъ вашей милости обывателей коронныхъ и великаго княжества литовскаго и государствъ, къ нему принадлежащихъ,—что когда нибудь выикнете въ дѣла наши, какъ слѣдуетъ, и станете лечить наши страданія, какъ требуется. Чтобы тѣмъ болѣе обнадежить себя въ этомъ, мы, оканчивая здѣсь эту главу, въ заключеніе всего этого отвѣта нашего, обращаемъ рѣчь свою до вашей милости и вкраткѣ укажемъ, что должно бы располагать къ тому ваши милости.

**Заключеніе отвѣта съ просьбою и напоминаніемъ
къ обывателямъ короннымъ и великаго княже-
ства литовскаго.**

Итакъ уже данъ нами краткій отвѣтъ соборному дѣписателю на его книжку о брестскомъ соборѣ, наполненную различными клеветами и неправдами. Особенно изобличено многократное преступленіе митрополита и нѣкоторыхъ владыкъ, которые, вопреки присягѣ, учиненной константинопольскому патріарху при рукоположеніи, вопреки своимъ обѣщаніямъ, вопреки канонамъ церковнымъ и соборнымъ, вопреки праву посполитому, вопреки договорамъ съ людьми римскаго исповѣданія и королевскимъ грамотамъ, не только безъ нашего позволенія, но и противу нашихъ протестацій, лицемерно и коварно по-

ступая съ нами, отступили отъ власти восточныхъ патріарховъ, несправедливо отдались въ послушаніе его милости римскому папѣ,—именемъ не только своимъ, но—и всѣхъ насъ, которые о томъ и не думали, и, будто бы обновляя нѣкую флорентійскую унію, пролагали и доселѣ пролагаютъ дорогу до никогда небывалаго искаженія древней греческой вѣры и почти конечнаго извращенія ея; почему и доказано, что они, по закону, не могутъ болѣе пользоваться имѣніями, наданными греческой вѣрѣ. Показано также, что дѣйствія людей греческой вѣры на брестскомъ соборѣ ни съ какой стороны не могутъ быть справедливо порицаемы. Показано также, что ученіе о церковномъ единоначаліи ихъ милостей римскихъ папъ не имѣетъ основанія ни въ евангеліи, ни у святыхъ учителей, ни въ церковной исторіи. Показано также, что укоризны цареградской патріархіи и похвалы римской власти, какія соборный дѣеписатель высказалъ въ своемъ увѣщаніи къ русскому народу, не таковы, чтобы ради нихъ слѣдовало намъ отступить отъ нашей древней вѣры и власти греческой. При чемъ сейчасъ-же, по поводу дѣеписательскихъ словъ, упомянуты и нѣкоторые способы, какіе употребляются теперь въ приведеніи насъ къ отступленію отъ нашей вѣры. Такимъ образомъ выполнено наше намѣреніе, которое, какъ сказали мы въ предисловіи, клонилось первѣе всего къ тому, чтобы показать нашу невинность и преступность стороны противной.

Добрая совѣсть, дающая намъ въ нашихъ мысляхъ свидѣтельство нашей невинности и увѣряющая насъ въ милости и помощи Господа Бога Вседержителя, есть первѣйшее утѣшеніе наше. Однако же мы усердно желаемъ, какъ нѣкоего великаго утѣшенія, чтобы и люди видѣли все то. Этого-то и ищемъ мы въ семъ писаніи нашемъ, къ которому, видитъ Богъ, вынудило насъ всего болѣе то, что до сихъ поръ наши рѣчи на сеймахъ заглушались различнымъ образомъ.

Эти весьма прискорбныя заглушиванія причиною того, что мы здѣсь обращаемъ свою просьбу и напоминаніе къ вамъ, милостивые господа сенаторы и доблестное рыцарство короны польской и великаго княжества литовскаго, хотя такое напоминаніе должно бы имѣть наиболѣе свойственное и законное мѣсто на сеймахъ и другихъ съѣздахъ для совѣта о Рѣчи Посполитой и совѣщаній объ излеченіи причиненныхъ страданій. По прежнимъ жалобамъ и по нынѣшнему напоминанію уже не безызвѣстны вашимъ милостямъ великія, почти невыносимыя принужденія и притѣсненія, касающіяся не только нашей собственности, здоровья, чести, но и совѣсти. И какъ вы называете насъ братією и членами единого тѣла Рѣчи Посполитой; то просимъ васъ: съжальтесь надъ угнетенною братією своею; наши страданія пусть тронутъ васъ, какъ собственные раны и страданія вашихъ милостей! Если же ваша любовь къ намъ охладилась (чего не думаемъ); то пусть тронетъ ваши милости по крайней мѣрѣ любовь къ собственнымъ правамъ, которыя заключены въ однихъ съ нашими доскахъ и укрѣплены одними связями (и насиліе которымъ мы нынѣ терпимъ). Берегитесь, чтобы сквозъ ту дыру, которая продѣлывается въ правахъ, служащихъ намъ, не ускользнули всѣ свободы и у вашихъ милостей. Что постигаетъ теперь насъ, то своимъ примѣромъ и въ своихъ послѣдствіяхъ касается и всѣхъ васъ. Никогда ни въ одномъ государствѣ угнѣтеніе не чувствовалось заравъ всѣми: слегка идетъ этотъ пожаръ, и кто не тушитъ его на чужомъ дворѣ, тотъ обыкновенно скоро видитъ его и на своемъ. Пусть тронетъ ваши милости вниманіе къ своей вѣрѣ, совѣсти и чести, которыми мы обязаны охранять законы, ограждающіе свободу богослуженія. Пусть тронетъ ваши милости то соображеніе, что, хотя бы и желали отъ

насъ отступленія отъ нашей вѣры, все же—мы люди, а не скоты и, по милости Божіей, люди свободные, вымочь у которыхъ что либо силою и принужденіемъ—напрасная надежда. Если бы даже въ чемъ либо другомъ это и могло имѣть мѣсто, то возможно ли въ вѣрѣ, которая имѣетъ свое мѣсто въ сердцѣ и мысли? Кто изъ смертныхъ можетъ присвоить себѣ распоряженіе вѣрою, которая есть даръ самаго Господа Бога? Кто такъ могущъ, чтобы могъ владѣть мыслию человѣческою и приневолить кого нибудь вѣрить тому, чего не принимаетъ чья либо совѣсть, и не вѣрить тому, что она принимаетъ? Нѣтъ ничего столь добровольнаго, какъ исповѣданіе и вѣра, такъ что самое большее принужденіе не создастъ ихъ ни въ комъ. Ничего другаго не можетъ произвести оно, кромѣ наружнаго лицемерія, такъ сказать передразнивающаго вѣру и весьма омерзительнаго Господу Богу,—въ людяхъ малодушныхъ, и кровопролитія—въ людяхъ безбоязненныхъ. Не вица у насъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, благоволяте ваши милости видѣть ихъ на чужихъ краяхъ, гдѣ люди принуждаемы были до неугоднаго имъ богослуженія чрезъ нѣсколько, и даже безъ мала чрезъ сто лѣтъ, и не отъ кого либо незначущаго, но отъ могущественнѣйшихъ монарховъ свѣта, и не какимъ либо простымъ средствомъ, а сильнѣйшими и умнѣйшими средствами, какія только могутъ быть на свѣтѣ. Что же, устроилось ли тамъ единство вѣры и совершенное согласіе? Нисколько! Что же тамъ осталось? За принужденіемъ слѣдовало недовольство, за недовольствомъ раздоры, за раздорами раздѣленіе, за раздѣленіемъ внутренняя война, которая между всѣми худыми дѣлами на свѣтѣ есть нѣчто наихудшее: ибо она заключаетъ въ себѣ нарушеніе права божественнаго и естественнаго, насилія, пожары, наѣзды, кровопролитія опустошенія, кратко сказать, несчастныя случайности всякаго рода.

Сверхъ того эта война бываетъ какъ смертоносище, такъ и продолжительнѣе другихъ. Въ другихъ войнахъ одна сторона легко склоняется къ уступкѣ другой чрезъ усмотрѣніе справедливой причины ея. А здѣсь, гдѣ каждый считаетъ истинною и спасительною правдою то, во что вѣритъ, и за тѣмъ что ни терпѣть, терпѣть для правды, будучи увѣренъ,—что чрезъ это терпѣніе достигаетъ мученическаго вѣнца и жизни вѣчной,—какой можетъ быть найденъ способъ для унятія воюющихъ? Только обоюдное истощеніе, утомленіе, изнеможеніе, изпечаленіе, изубоженіе обыкновенно унимають, и то не во время, такіа войны, а вождѣленное примиреніе уже не скоро затѣмъ возвращается. Если все это такъ, то, ради Бога, милостивые господа, удерживайте во время эти колеса, пока они не разбѣжались. Прискорбно терпѣть утѣшеніе отъ высшаго, прискорбіе отъ равнаго, еще прискорбіе отъ низшаго. Терпѣливость, часто оскорбляемая, обыкновенно превращается въ раздражительность. Неувѣренность въ достиженіи справедливости обыкновенными средствами, неувѣренность въ защитѣ, ожиданіе притѣсненными все большихъ и большихъ несчастій, въ слѣдствіе безнаказанности и необузданности притѣснителей, обыкновенно бывають пробужденіемъ къ возстанію страдающихъ, хотя имъ и не обычному ¹⁾. Итакъ, ради Бога, сжальтесь надъ общимъ отечествомъ, обратите вниманіе на его состояніе, отличное отъ другихъ королевствъ, въ которыхъ огонь внутренней войны не угашенъ и доселѣ. Тамъ города, тамъ замки, тамъ крѣпости оборонительныя густо расположены, потому неудивительно, что они долго оборонялись и обороняются. У насъ же, если бы, Боже сохрани, появилось гдѣ либо это шамъ, то всѣ мазанки этого обширнаго государства быстро обратились бы

¹⁾ Этотъ угрожающій нахаль въ подлинникѣ, можетъ быть намѣрено, выражень довольно темпо.

въ пепель. Тамъ турокъ—далеко, о татаринѣ едва слышно, мы ихъ имѣемъ тутъ же подъ бокомъ, и хотя живемъ съ нимъ въ мирѣ, однако въ постоянной опасности и сверхъ того и съ другихъ сторонъ не имѣемъ обезпечены спокойствіемъ, пріязнью и миромъ. Ваши милости дознали, въ какомъ согласіи мы жили съ вашими милостями въ прежніе вѣка, хотя и постоянно пребывали при древней греческой вѣрѣ и патріархахъ, находящихся въ Греціи. Разность обрядовъ нисколько не мѣшала благожелательности и взаимной помощи въ нуждѣ. Извѣдайте теперь, ваши милости, и того любезнаго согласія и единства, какія стали лѣзнуть наши отступники—митрополитъ и владыка. Ваши милости видите, какіе плоды приносятъ и можетъ приносить это единство. Видите, что за нимъ наступило, вмѣсто умноженія, нарушеніе давняго согласія и любви. Почему же скорѣе не помогаете тому, чтобы возвратился старинный способъ сохраненія домашняго согласія? Почему своимъ молчаніемъ на то, что дѣлается, даете королю его милости, нашему милостивому государю, поводъ думать, будто наши рѣчи и жалобы не заслуживаютъ уваженія? Вы, милостивые господа сенаторы, присягали оберегать права и предупреждать дѣла, вредныя Рѣчи Посполитой: почему же молчите, хотя видите, что у насъ нарушаются права? Почему, если не что другое, то хоть самая опасность, усматриваемая отъ притѣсненій, чинимыхъ изъ-за вѣры, не побуждаетъ васъ предупреждать ее во время? Почему по своей обязанности вы не напоминаете его королевской милости, чтобы предупредилъ эту опасность? Если же вашихъ милостей удерживаетъ отъ этого уваженіе къ католической римской вѣрѣ и желаніе ея распространенія: то что же скажете о прежнихъ короляхъ польскихъ, которые, чрезъ шесть сотъ лѣтъ, хранили свободу нашего исповѣданія въ цѣлости безъ измѣненія? Развѣ чрезъ это они не были уже католиками? Не

благоволите вани милости своими поступками взводить на нихъ такое обвиненіе!

О древнихъ христіанскихъ кесаряхъ читаемъ, что они, хотя и не были вынуждены никакими обязательствами, дозволяли свободу исповѣданія не только христіанамъ, исповѣдующимъ единого Бога въ Троицѣ и чистымъ отъ всякой еретической скверны, но и явно заблуждающимъ. Сократъ, церковный историкъ, пишетъ (кн. III, гл. 12) объ императорѣ Іовіанѣ, что онъ не только каждому позволялъ держаться исповѣданія, какого кто хотѣлъ, но даже порицалъ лъстцовъ, которые, приспособляясь къ нему, лицемерно выдавали себя принадлежащими къ его исповѣданію, и говорилъ о такихъ: «они дошли до того, что хвалили не Бога, но порфиру». Тотъ-же Сократъ пишетъ объ императорѣ Валентиніанѣ (кн. IV, гл. 1): «правда, онъ съ тѣми сближался, тѣхъ защищалъ, которые были одной съ нимъ вѣры, однакоже не досаждалъ и аріанамъ». А Созоменъ пишетъ объ императорѣ Граціанѣ (Церк. ист. кн. VII, гл. 1), что онъ ограждалъ свободу исповѣданія закономъ, изданнымъ касательно сего. А объ императорѣ Θεодосіѣ Сократъ написалъ слѣд. слова (кн. V, гл. 20): «императоръ Θεодосій никого не гвалъ за вѣру и никого не принуждалъ къ одной съ собою вѣрѣ и исповѣданію, но позволялъ всѣмъ собираться въ своихъ мѣстахъ и разсуждать о томъ, что касается христіанства, сообразно съ тѣмъ разумѣніемъ, къ какому кто былъ привязанъ». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Сократъ о томъ-же Θεодосіѣ написалъ (кн. V, гл. 14) такъ: «императоръ былъ такъ почтителенъ къ христіанству, что не только весьма почиталъ священниковъ, но былъ милостивъ и къ нововводителямъ, признающимъ подобосущіе». Такъ-то поступали древніе императоры въ дѣлахъ вѣры! И мы не читаемъ нигдѣ, чтобы христіанскіе епископы когда либо порицали ихъ за это. Не читаемъ также, чтобы

и Господь Богъ каралъ ихъ за это. Напротивъ о Θεодосіѣ читаемъ, что самъ Господь Богъ съ неба воинствовалъ противъ его враговъ, посылая на нихъ сильныя вѣтры и обращающаю стрѣльбу ихъ вспять—на нихъ самихъ.

Итакъ, милостивые господа сенаторы римскаго исповѣданія, уваженіе къ католичеству пусть не отклоняетъ вашихъ милостей отъ прилежнаго напоминанія королю, его милости, о предупрежденіи опасности, какую можетъ породить эта новая и непадежная унія, насильственно вводимая. Вѣдь предупредить это не трудно; слѣдуетъ только устранить перемѣну и слѣдующія за нею, противныя закону, притѣсненія, возвратиться къ стародавнему обычаю. Просимъ къ тому же, чтобы вы, по долгу своего званія, благоволили помогать намъ въ нашихъ просьбахъ къ его королевской милости, нашему милостивому государю, которому хотимъ неизмѣнно воздавать честь, вѣрность и послушаніе во всемъ, что требуется отъ вѣрныхъ подданныхъ. Добровольно отдаемъ мы власти его королевской милости наши тѣла, имѣнія, имущество, нашу честь, такъ что онъ можетъ разсуждать о нихъ сообразно съ закономъ государственнымъ. Но наши души, совѣсть, вѣроисповѣданіе всецѣло предоставляемъ мы Царю небесному, который господствуетъ какъ надъ нами, такъ и надъ его королевскою милостію. Пусть его королевская милость, сознавъ границы своей власти, благоволитъ не вмѣнять намъ во зло того, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи мы хотимъ угождать и повиноваться только Тому Единому. Если даже мы заблуждаемъ и грѣшимъ, то грѣшимъ тому Владыкѣ, который, единъ имѣя въ своей власти души всѣхъ насъ, будетъ въ свое время творить судъ о нихъ. Сей небесный Владыка пусть судитъ насъ, если мы къ чему либо погрѣшаемъ по выполненію нашего долга предъ его королевскою милостію, отъ котораго взаимно требуемъ, чтобы благоволялъ сдерживать для насъ

свою государеву присягу и господствовать надъ нами сообразно съ законами, а ваши милости, прилѣжно просимъ,— благоволите вести къ этому короля, его милость (помня, что за преступленія власти Господь Богъ обыкновенно караетъ подданныхъ). Сдѣлайте это, ваши милости, если не ради насъ, то ради Рѣчи Посполитой, ради короля его милости, государя нашего, молчаніе предъ которымъ и поблажка которому вредить вашимъ милостямъ сильно, хотя и незамѣтно. Чрезъ это молчаніе подкапываются и подшатываются основы и столпы власти и счастья его королевской милости. Ибо что другое открыло его королевской милости и доступъ къ этой славной столицѣ и есть основою его государствованія, если не единственно—условія (пакта), заключенныя съ нами и права коронныя? На это-то всего болѣе взирая, воздаемъ должное послушаніе его королевской милости. То только и можетъ доставить его королевской милости—милость у Господа Бога, Царя Всевышняго, любовь у подданныхъ, уваженіе у сосѣдей; то только можетъ утверждать государствованіе его королевской милости и низводить благословеніе на его подданныхъ,— когда его королевская милость не измѣнитъ ни Богу въ своей совѣсти, ни намъ вѣрнымъ подданнымъ своимъ, въ своей обязанности, скрѣпленной присягою, и когда будутъ сохранять для насъ наши права и вольности. Ибо прекрасное это королевство, надъ которымъ Господь Богъ поставилъ его королевскую милость, славится между другими народами не золотомъ, не множествомъ денегъ, не богатствомъ, не крѣпкими замками, не застроенными городами, но только своею свободою, въ которой другіе народы, хотя и плавающие въ достаткахъ, завидуютъ намъ, подданнымъ его королевской милости. Кто не видитъ, что сохраненіемъ въ цѣлости нашей свободы, сохранится и это наибольшее украшеніе его королевской милости, то есть, что онъ благоволитъ господствовать надъ воль-

иными людьми. Вѣрно также и то, что любовь, дружность, домашнее согласіе всегда болѣе, чѣмъ какія либо стѣны или замки, держали, при предкахъ его королевской милости, эту корону въ той цѣлости, въ той великой славѣ и грозномъ для сосѣдей могуществѣ, въ какихъ благоволили заставить ее король, его милость. Кто не видитъ, что и теперь государство его королевской милости будетъ утверждаться сохраненіемъ между нами согласія и любви внутренней? Что затрудняло прошлые сеймы? Что произвело въ людяхъ охлажденіе къ службѣ Рѣчи Посполитой? Что не допустило и не допускаетъ охотно и дружно отражать внѣшнія опасности? Только оскорбленія и страданія, на которыя съ разныхъ сторонъ жалуются его королевской милости, но, къ сожалѣнію не находятъ врачества противъ нихъ,—особенно же оскорбленія, терпимыя изъ-за вѣры, которыя чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе множатъ между людьми недовѣріе, недружность, несогласіе и, во время совѣщаній объ опасностяхъ отвѣтъ, заставляютъ оглядываться на домашній пламень. Нѣкоторые, быть можетъ, думаютъ, что это домашнее немирѣе тѣмъ хорошио, что, заняты имъ и грызя одни другихъ, люди не замѣчаютъ, сколько ихъ догораютъ при этомъ съ обѣихъ сторонъ. Но опытъ свидѣтельствуешь, что и такая политика часто обманывается. Вѣрнѣе было бы поступать такъ, чтобы не давать причины къ негодванію, чѣмъ для прикрытія дальнихъ видовъ высматривать, какъ среди нестроеній, мятежей и междоусобій (которыя нисколько не прибавляютъ чести правительству) обезсиливають себя взаимно обыватели Рѣчи Посполитой. Итакъ, ради Бога, милостивые господа сенаторы, еще просимъ васъ благоволите вашей милости, по чувству своего долга, напомнить обо всемъ этомъ его королевской милости, нашему милостивому государю, если хотите не давать меньшей братіи своей повода къ тому мнѣнію о васъ, что вы задумываете привести его

королевскую милость въ немилость у Господа Бога, въ отвращеніе у его подданныхъ или, быть можетъ, въ какихъ либо другихъ болѣе тонкихъ видахъ своихъ, затруднить государственіе его королевской милости и преградить потомству его путь къ этому государственію.

Что говоримъ къ ихъ милости, господамъ сенаторамъ, присяжнымъ стражамъ нашихъ правъ и свободъ и безопасности Рѣчи Посполитой, то все обращаемъ и къ вашимъ милостямъ, младшимъ братьямъ ихъ милостей, но сынамъ той же Рѣчи Посполитой. Просимъ и ваши милости, чтобы и вы благоволили склониться къ тому же и также помогать намъ бѣдствующимъ и въ лицѣ нашемъ охранять цѣлость правъ и вольностей своихъ и—всею Рѣчи Посполитой. Не почитайте, ваши милости, этого за дѣло частное, касающееся только части обывателей этихъ государствъ. Когда нѣкоторые люди, по лакомству и алчности къ славѣ, нарушаютъ присягу его королевской милости и государственный законъ; когда они покушаются оттолкнуть насъ отъ пристанища конфедераціи, котораго мы достигли, по милости Божіей, не испытавъ, какъ другіе народы, долгаго кровопролитія изъ-за религіи: то тѣмъ самимъ слятеся они довести до крушенія и этотъ корабль Рѣчи Посполитой и, будто бы охраняя религію, замѣтно пролагаютъ пути къ тому, чтобы съ религіею погибло и отечество. Присмотритесь, ваша милость, къ лицамъ, которые это дѣлаютъ. Увидите во главѣ этого полка частію здѣшнихъ обывателей, которые, не имѣя ни женъ, ни дѣтей, вовсе не имѣютъ на что осматриваться, частію и наиболѣе—чужеземцевъ, которые будучи волочугами, и не имѣя въ себѣ природной благожелательности къ нашему отечеству, Рѣчи Посполитой, нисколько не опечалились бы о гибели ея, съ которою они ничего не потеряли бы, а нѣкоторые даже тѣшились бы ею изъ зависти къ нашимъ вольностямъ и благопо-

лучію. И если все это—такъ, то мы надѣемся, ваши милости будете чувствительнѣе и внимательнѣе къ этому дѣлу, чѣмъ доселѣ, надѣемся отъ вашихъ милостей болѣе дѣйствительной пріязни и помощи намъ въ нашихъ обидахъ и страданіяхъ, чего усиленно желаемъ и просимъ у вашихъ милостей предъ всевидящимъ Господомъ Богомъ и предъ всѣмъ свѣтомъ, ссылаясь при этомъ и на вашъ долгъ шляхетскій и христіанскій, ваши обязанности вѣры, совѣсти и чести. Объявляемъ и то, что если, по нерадѣнію вашихъ милостей къ этому дѣлу и за необузданіемъ зла въ этихъ начаткахъ, дойдетъ, Боже сохрани, до чего нибудь худого въ Рѣчи Посполитой, и если затѣмъ вы не отдадите своимъ потомкамъ свободъ и правъ цвѣтущими въ цѣлости, какъ приняли вы отъ предковъ; то вина этого останется не при насъ, а при всѣхъ вашихъ милостяхъ, мало обращающихъ вниманія на наши просьбы и напоминанія. Такое объявленіе, равно какъ устрашеніе будущими опасностями и внутреннею войною мы дѣлаемъ отнюдь не съ какимъ либо злымъ умысломъ, а только по благожелательству и любви къ общему отечеству. Надѣемся также, что никто не будетъ превратно толковать это и стараться приписывать намъ какіе либо сторонніе замыслы. Теперь, оканчивая этотъ отвѣтъ нашъ, обращаемся, въ заключеніе всего, съ молитвою къ Господу.

Ты самъ вседержителю, Господи Боже, Творче всѣхъ, сердца человѣческія содержи въ руку свою! Приклони сердце прівременнаго властителя нашего, и всѣхъ сожителей панства сего, въ немъ же насъ поставилъ еси: даже тіл, ведуще, еже къ благому и полезному и къ покою посполу стягастъ, совѣтовъ, дѣйствъ и поступковъ, добровольной славѣ Имени Твоего противныхъ, и несогласіе и нелюбовь приносящихъ, съ пильностію ся остерегали. Миръ же церкви Твоей подаждь, и якоже посредѣ явственныхъ враговъ имени Сына Твоего

сію невредно сохраняеши дивнымъ смотрѣніемъ си ¹⁾: тако и въ сихъ странахъ не попусти, соблюди. Даже прелестныхъ пастырей привременной чести ищущихъ навѣты и отступленія, не расточать, ниже похитять волками хищными твое стадо. Вѣмы Господи Боже нашъ, яко за беззаконія наша сія вся собышася, содѣявшимъ намъ, еже достойнымъ быти лютаго наказанія отъ праведнаго Ти суда. Обаче не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему святому даждь славу. Утѣши, якоже оскорбилъ еси. Воздержи яростные и лютые враговъ церкви Твоея навѣты, на силу и прелестную мудрость свою уповающихъ. Объяви прелести, открий лукавства ихъ, да постыдятся. Яви правду Твою на иже туне имя Твое святое вземлющихъ. Потопи неправду, помози правдѣ. Не дай намъ искушеннымъ быти паче, еже понести можемъ. Ослаби намъ, аще воля Твоя есть, креста Твоего, возложеннаго на насъ, и подаждь о немъ терпѣніе. Простри самъ надъ нами милостивую свою руку, да живуще и умирающе Твои будемъ. Подаждь при Твоей истинѣ непревратно стати, даже вѣрою несомнѣнною вся враждебныя тяготы претерпѣвши, нетлѣннаго онаго вѣнца, уготовленнаго Твоимъ вѣрнымъ, получить сподобимся.—О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Нимъ же Тебѣ слава, честь и держава, съ пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Ти Духомъ, нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

Перев. Изв. Малышевскій.

¹⁾ Т. е. перковь греческую среди турокъ.